

Юный

№ 05
2015

краевед

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

12+

АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ АНЧИКОВУ – 55 ЛЕТ!

Более 30 лет жизни Александр Павлович посвятил развитию детского и юношеского туризма и краеведения. Сегодня он работает в отделе краеведения Центра детского и юношеского туризма и экскурсий Нижегородской области. Александр Павлович Анчиков — действительный член Академии детского и юношеского туризма и краеведения и Русского географического общества.

Александр Павлович — автор множества публикаций по истории Нижегородской области, краеведению, музейной педагогике, а также составитель сборников работ победителей областных конкурсов.

Он воспитал многих победителей и призёров областных, Всероссийских и международных конференций, олимпиад школьников.

По его инициативе проводятся областные краеведческие конкурсы: «Край Нижегородский», «Юный экскурсовод» и другие.

Александр Павлович пользуется большим авторитетом среди коллег как человек, преданный своему делу, отдающий все свои силы воспитанию настоящих патриотов.

Желаем Вам, уважаемый Александр Павлович, крепкого здоровья, реализации многочисленных творческих планов, успехов во всех начинаниях!

Коллектив Центра детского и юношеского туризма и экскурсий Нижегородской области.

Редакция «Юного краеведа» присоединяется к поздравлениям.

ПОМНИ ИМЯ СВОЁ!

С такого обращения мы начнём разговор с нашим читателем. Главное событие года, конечно же, 70-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., победа многонационального народа, ценою миллионов жизней отстоявшего свободу не только своей страны, но и Европы, опутанной ядовитой коричневой паутиной.

Да, годы идут, всё дальше уходят от нас события тех лет. Но разве это повод забывать родных, которых мы потеряли на той войне. Кто мы? Иваны, не помнящие родства, или благодарные своим отцам и дедом потомки, бережно сохраняющие память об их великом подвиге? Не секрет, что в некоторых странах, некогда освобожденных от гитлеровского ига нашими солдатами, их теперь называют не иначе, как «оккупантами». Современные американские школьники, например, убеждены, что Вторую мировую войну выиграли Соединённые Штаты Америки. Что с них взять: Америка для них превыше всего. А Россия для нас? Неужели мы позволим вязкой пелене времени скрыть правду о Великой Победе от нашего подрастающего поколения? Неужели мы забудем те огромные жертвы, ценой которых мы можем свободно жить, учиться, трудиться?

Нашим солдатам в годы Великой Отечественной требовалось огромное мужество, чтобы бить врага на всех фронтах в любое время года.

Президент России В.В. Путин, обращаясь к посетителям выставки «Парад Победы 24 июня 1945 года», подчеркнул: «Историческая память — залог достойного будущего России. Мы должны перенять у героического поколения фронтовиков главное — привычку побеждать. Она поможет нынешнему поколению выстроить сильную стабильную процветающую Россию».

Как не вспомнить нашего великого Суворова, который всегда побеждал и передал это будущим поколениям.

С праздником, дорогие наши читатели! С Днем Победы!

Главный редактор журнала «Юный краевед»
Сергей Иванович Савинков

№ 05 2015

Содержание

Ежемесячный научно-популярный журнал для детей среднего и старшего школьного возраста

Журнал отмечен дипломом лауреата Всероссийской литературной премии имени генералиссимуса А.В. Суворова

Выпуск издания осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Издатель
ООО «Юный краевед»

Главный редактор
С.И. Савинков

Шеф-редактор
А.И. Персин

Редакционный совет
А.Г. Озеров
Л.В. Козмина
Г.А. Харитонова
В.В. Мишин
Г.В. Великовская
С.Б. Нестерова
С.В. Россинская
Т.Г. Жукова

Дизайнер-верстальщик
О.В. Стребкова

Корректор:
Л.И. Гордеева,
О.А. Шепелевич

Адрес для писем:
107207 Москва, Байкальская ул.,
д. 30, корп. 2, кв. 173

Тел./факс: (495) 971-45-61
(915) 065-07-78

E-mail: kraeved54@mail.ru

Адрес сайта: юный-краевед.рф

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС 77-21535 от 21 июля 2005 г.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в типографии ОАО «Альянс «Югполиграфиздат», ООО ИПК «Панорама» 400001 г. Волгоград, ул. КИМ, 6
Формат 70x100 1/16. Тираж 1500 экз.
Подписано в печать 20.04.2015. Заказ №
Гигиенический сертификат
№ 77.99.60.953Д.012279.10.09 от 20.10.2009 г.

Подписной индекс по каталогу
«Роспечать» — 20249

На 1-й с. обл.: Памятник А.Т. Твардовскому и Василию Теркину в г. Смоленске.
Автор фото: С.И. Савинков

Журнал не несёт ответственности за присланные автором фотоматериалы.

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

КСЕНИЯ ТУЛЕГЕНОВА

Вспоминая Ольгу Фёдоровну
Берггольц3

АННА МУСАЕВА

Певец и герой
Великой Отечественной19

АНАТОЛИЙ ВАНОВСКИЙ

Фронтные письма24

ДАРЬЯ САРПИОНОВА,

ОЛЬГА ТАРЫШКИНА

Стихи, которые никто не знает...279

Н.Ю. ЛЕБЕДЕВА

Артиллерист Юрий Андреевич
Рыжиков29

РАБОТЫ ТВОИХ СВЕРСТНИКОВ

ВАЛЕРИЯ ВИНОГРАДОВА

Дом на Советской улице в истории
Санкт-Петербурга 37

ЮЛИЯ БОЛЬШАКОВА

Певец свободы Павел Катенин 47

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

АНАСТАСИЯ АЧИЛОВА

Нижегородскому Кремлю —
500 лет!56

ПЕРОМ И КИСТЬЮ

А.И. ПЕРСИН

Москва Ивана Калиты и
Аполлинария Васнецова60

ДЛЯ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ

С.И. РАССКАЗОВ

Историк России, краевед Москвы62

Великая Победа

КСЕНИЯ ТУЛЕГЕНОВА,
ученица 8 класса СОШ № 53
Приморского района,
г. Санкт-Петербург

ВСПОМИНАЯ ОЛЬГУ ФЁДОРОВНУ БЕРГГОЛЬЦ

О.Ф. Берггольц.
Фотография М. Наппельбаума.
1935 г.

*Я никогда героем не была,
не жаждала – ни славы, ни награды,
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героиствовала, а жила.*

О. Берггольц

Моя работа посвящена воспоминаниям об Ольге Фёдоровне Берггольц её сверстников, друзей, писателей, участников героической обороны Ленинграда. В нашем музее «Истории Старой и Новой деревни» создана небольшая экспозиция, посвящённая Ольге Берггольц в период блокады Ленинграда. 17 мая 2010 года депутаты Муниципального Совета Муниципального округа «Чёрная речка» совместно с инициативной группой жителей округа организовали митинг, посвящённый 100-летию со дня рождения поэтессы. На митинге присутствовали наша школа № 53 и гимназия № 631. Звучали стихи О. Берггольц, воспоминания о её жизни и творчестве. На клумбе во дворе дома № 20 было высажено сто живых цветов, на месте будущего памятника был установлен закладной камень ещё в 1998 г.

**Фёдор Христофорович
Берггольц. 1919 г.**

**Мария Тимофеевна
Берггольц
(урождённая Грустилина)
с дочерьми Ольгой и Марией.
1916 или 1917 г.**

Она родилась в Шлиссельбургской части (Невский район) северной столицы в 1910 году. Детство прошло в семье военно-полевого хирурга, выпускника Дерптского университета Фёдора Христофоровича Берггольца. В семье много читали, особенно мать, Мария Тимофеевна, кроткая, сентиментальная женщина, идеалами которой были «тургеневские девушки». Она прививала детям любовь к поэзии, радовалась их успехам. Все домашние были глубоко религиозными людьми. И Ольга в детстве была глубоко верующей. Об этом говорят недавно опубликованные её детские стихи. Она отмечала: «Но я — в отца, я не в силах одна выносить бремя радости, мне необходимо поделиться ею с другими, похвалиться ею». С годами духовная связь с отцом укреплялась: он отнёс первое стихотворение, написанное дочерью — на смерть Ленина — в стенгазету комбината тонких и технических суконов им. Тельмана, где работал главным врачом в амбулатории; поддерживал дочь в дни несправедливых и нелепых обвинений 1937 года, когда она была исключена из кандидатов в члены партии, профсоюза и Союза писателей и восстановлена только в середине 1938 года. В последнем (неотправленном) письме к отцу Ольга Фёдоровна писала: «Я обязана тебе всем самым лучшим, что есть во мне: жадным жизнелюбием, чувством юмора, упрямством, целомудрием чувств, даже — здоровым цинизмом! Я так хочу, чтобы ты жил!».

В её биографии будет Невская застава, жизнь в доме деда Христофора Фёдоровича на Палевской улице (ныне ул. Елизарова), ранний уход из родительского дома. Только детские годы и годы юности были относительно счастливыми. Они были озарены верой в возможность справедливого мира, поэтому борьбе за справедливость она отдавала все силы своей души искренне, бескорыстно как журналист и как писатель. Ведь её талант благословили Корней Чуковский и Максим Горький, который почувствовал

искренность её рассказов, её ум и зоркие наблюдения над жизнью.

В «Попытке автобиографии» (1952 г.) Ольга Берггольц благодарно отмечает, что постоянным редактором всех её первых стихотворных и прозаических книг для детей был Самуил Яковлевич Маршак. Её стихотворения для детей начали печатать с 1925 года в газете «Ленинские искры», а прозу — позже, в журналах «Чиж», «Ёж», «Красный галстук», «Юный пролетарий» и др. Они имели успех, позволивший печатать вскоре отдельные книги с рисунками известных художников. В 1954 году, на II съезде писателей, С. Маршак выступил с речью, в которой говорил об Ольге Берггольц, как о признанном мастере детской литературы и идейном воспитателе подрастающего поколения, сумевшего воспринимать мир по-детски непосредственно, радостно. Но вскоре жизнь Берггольц была омрачена трагическими событиями. В литературном кружке она познакомилась с приехавшим издалека в Ленинград талантливым поэтом Борисом Корниловым. Ольга стала его женой, но счастье было недолгим. У замечательного поэта, автора известных произведений «Моя Африка», знаменитой песни «Нас утро встречает прохладой» был невыносимый характер, и вскоре они расстались. Ольга тяжело переживала этот разрыв. У неё росла замечательная дочка Ирина.

В 1930 году Ольга Берггольц окончила филологический факультет Ленинградского университета, студенческую практику проходила на «Красном путиловце» (Кировском заводе). Затем работала в завод-

Ольга Берггольц. 1930 г.

кой многотиражной газете «Электросила». Изъездила казахские степи, работая корреспондентом в республиканской газете.

В тревожные 1937–1939-е годы Ольга Берггольц проходила свидетелем по сфабрикованному процессу, а спустя полтора года была арестована уже как «активная участница контрреволюционной террористической организации» и, после очередного допроса, в тюремной больнице опять потеряла ребёнка.

С 13 декабря 1938 года провела в тюрьме 197 дней. «Всё отзывается тюрьмой — стихи, события, разговоры с людьми. Она стоит между мною и жизнью». Со временем после освобождения ощущение тюрьмы возникает в ней с каждым днём острее, она реально чувствует «запах рыбы, сырости, лука, стук шагов по лестнице, но и то смешанное состояние посторонней заинтересованности, страха, неестественного спокой-

ствия и обречённости, безвыходности, с которыми шла на допросы».

«Я не живу, я живу вспышками, путём непрерывных коротких замыканий, но это не жизнь. Я живу по инерции, хватаясь, цепляясь за что-то: за работу и за пижаму, но это непрерывное бегство от самой себя...

Блокада

В канун войны, в мае 1941 года, Ольга Берггольц, предчувствуя час испытаний, писала: *Мы предчувствовали полыханье/этого трагического дня./Он пришёл. Вот жизнь моя, дыханье./ Родина! Возьми их у меня...*

Когда началась война, поэтесса, по словам её сестры Марии Фёдоровны, встала на защиту отчизны, как «полководцы, бросаемые на фронт прямо из тюрем». Всю войну Берггольц работала на ленинградском радио, куда пришла 23 июня 1941 года.

Я говорю с тобой под свист снарядов,/ угрюмым заревом озарена./ Я говорю с тобой из Ленинграда,/ страна моя, печальная страна./ Мы будем драться с беззаветной силой,/ мы одолеем бешеных зверей,/ мы победим, клянусь тебе,/ от имени российских матерей.

Начало поэмы. 22 августа 1941.

Её выступления впоследствии называли «феноменом Берггольц»: поэтесса создавала произведения, рассчитанные, прежде всего, на произнесение, на восприятие «с голоса». Выступая по радио, она своим голосом, стихом-беседой, доверительным монологом-обращением сплавляла людей в «блокадное братство», в монолитное единство людей.

Я круглый лишенец. У меня отнято всё, отнято самое драгоценное: доверие к Советской власти, больше, даже к идее её... Я задыхаюсь в том всё обволакивающем, душном тумане лицемерия и лжи, который царит в нашей жизни, и это-то называют социализмом».

О том времени О. Берггольц писала: *«Я думаю, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие, еле живые ленинградцы. Мы знаем это потому, что они находили в себе силы даже писать об этом в радиокомитет, даже приходить сюда за тем или иным запомнившимся им стихотворением; это были самые разные люди — студенты, домохозяйки, военные. Бессмертным свидетелем величия духа ленинградцев останется эта деталь первой блокадной зимы — способность в таком кошмаре, среди таких физических и нравственных терзаний отзываться на поэзию, на искусство».*

С первых дней войны Ольга встала к микрофону Ленинградского радио. Сначала были весёлые стихи, высмеивающие не только врагов, но и своих — лентяев, болтунов, паникёров. Басни подписывала «Крылов-внук», а с приближением немцев к Ленинграду, тем более в дни блокады, она вела свои беседы с согражданами — о событиях на фронте, о жизни города.

В день 53-го выпуска ленинградской радиохроники женский голос призывал: «Помнишь ли ты, ленинградец, что ты на фронте, что ты

**Памятный знак «Репродуктор»
на Невском проспекте**

воин? Ты воин, ленинградец, где бы ты ни был — в цехе, в конторе или в своей квартире, — потому что ты в Ленинграде... Так спроси же себя, ленинградец, что сделал ты для фронта, спроси для того, чтоб завтра сделать ещё больше...» Это было первое выступление по радио поэтессы Ольги Фёдоровны Берггольц. С этого дня и до конца блокады её радиовыступления стали неотъемлемой частью жизни осаждённого Ленинграда.

Вспоминает поэт Михаил Дудин: *«Она падала в снег от голодного обморока, но находила в себе силы подняться. Я видел её во время блокады, лёгкую, гнущуюся под ветром былинку, на заваленной снегом Малой Садовой, около радиокомитета. Я встречал её в дивизии Симоняка, в солдатских землянках, в цехах Кировского завода...»*

Она была частицей Ленинграда, его живинкой, его необходимостью. Дочь и сестра Ленинграда, прорицательница и плакальщица Победы. Её голос слушал солдат, защитник города».

**Дом радио, Итальянская д. 27
(бывшая улица Ракова)**

Писатель Фёдор Абрамов вспоминал: «В часы этого страшного одиночества над головой блокадника из промёрзшего мохнатого репродуктора-тарелки вдруг раздавался живой человеческий голос. Голос, полный неподдельной любви и сострадания к ленинградцам, голос, опалённый ненавистью к врагу, голос, взывавший к жизни, к борьбе». Она обращалась к своим согражданам, как к самым близким и родным людям:

*Я буду сегодня с тобой говорить,
Товарищ и друг, ленинградец,
О свете, который над нами горит,
О нашей последней отраде.
Товарищ, нам горькие выпали дни,
Грядут небывалые беды,
Но мы не забыты с тобой,
не одни - / И это уже Победа...*

«Ленинградцы мыслили, творили, дерзали, то есть дрались за жизнь на всех её рубежах, — так писала Ольга Берггольц. — Это было очень тяжело, но ни с единого рубежа жизни мы не отступили. Мы совсем по-иному поняли, что жизнь — это деятельность и что, как говорят у нас, «раньше смерти помрёшь», если перестанешь трудиться».

Блокада. 1941 г. Мост Лейтенанта Шмидта

Запомни ж всё: пускай навеки память/До мелочи, до капли сохранит./ Всё, чем ты жил, что говорил с друзьями, / Всё, что видал, что делал в эти дни.

В каждом своём выступлении Ольга Федоровна отмечала малейший признак возрождения жизни в городе: вот заработала фабрика, открылась новая библиотека, а «публичка» (РНБ) работала не переставая. Началась очистка города, пошёл первый трамвай, появились в скверах и парках огороды, «пещеры» превращались в нормальное человеческое жильё: фашистам не удалось превратить ленинградца, «в оборотня, в зверя», напротив...

Она голодала как все, у неё была дистрофия, но каждый день она вставала к микрофону, и никто не слышал от неё ни единой жалобы (всё записывала в свой дневник). Запись в дневнике от 25 сентября 1941 года: «Я уже не знаю теперь, когда я боюсь, когда нет. Вчера, когда была в «слезе», и было четыре тревоги, я очень боялась, руки были ледяные, и, конечно, над нами — вились немцы, и мне моментами хотелось крикнуть: «Да ну же, бросай, скорей бросай, я не могу больше ждать»... «Как же это? Бросать в безоружных, беззащитных людей разрывное железо, да чтоб оно ещё перед этим свистело — так, что каж-

дый бы думал: «Это мне» — и умирал заранее. Умер — а она пролетела, но через минуту будет опять — и опять свистеть, и опять человек умирает, и снова переводит дыхание — воскресает, чтоб умирать вновь и вновь. Доколе же? Хорошо — убейте, но не пугайте меня, не смейте меня пугать этим проклятым свистом, не издевайтесь надо мной. Убивайте тихо! Убивайте сразу, а не понемножку несколько раз на дню... О-О, боже мой!... Правильнее бы всего — умертвить себя самой. Потому что кругом позор, «жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен»... Позор в общем и в частности. На рабочих окраинах некуда прятаться от бомб, некуда. Это называлось — «Мы готовы к войне». О, сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!».

Бомбёжки продолжают. Ольга пишет: «Умирает всё, что было, а будущего нет. Кругом смерть. Свищет и грохает... Неужели мы гибнем? Неужели я уже сдалась — иначе откуда же эта покорная грусть, — и подобно мне сдались тысячи ленинградцев. Эта грусть, эта томительная усталость — она у многих... Ничтожность и ничьёмность личных усилий — вот что ещё дополнительно деморализует».

Потеряв своего мужа Николая Молчанова, умершего в страшных муках от голода, она переехала жить на улицу Ракова (ныне Итальянская ул.) в здание Радиокомитета. Товарищи видели, что она погибает от голода и горя, и дали ей задание написать к 23 февраля 1942 года поэму о Ленинграде. Это было лучшее произведение её блокадных лет — «Февральский дневник». Берггольц заме-

чает: «Самое страшное в страхе и, очевидно, в смерти — её ожидание. А если неожиданно — то, пожалуйста. Но я до сих пор не могу прийти в себя от удивления — почему именно бомба упала в дом 12, а в не дом 14, где была я? Значит, всё-таки она может попасть и в меня? Значит, мне нигде, нигде нет спасения? Очень странно! Но я не могу ничего написать о своём состоянии, потому что оно с сильной примесью: четвёртый день грипп, ломает и лихорадит, да ещё очень сильно ударились головой в бомбоубежище — так, что трудно определить, что в самочувствии от войны, а что от вневременной настоящей жизни — болезни... Я делаю всё, что в силах, и, не взирая на ломающую меня болезнь, на падающие бомбы и снаряды, пишу стихи, от которых люди в бомбоубежищах плачут».

Ольга Фёдоровна Берггольц выступала как поэт и публицист, писала сатирические произведения, которые вошли в сборник «Балтфлот смеётся», публиковалась в «Окнах ТАСС», написала поэмы: «Ленинградская поэма», «Памяти защитников», «Твой путь». Ольга Фёдоровна, чем могла, помогала близким и друзьям. Она постоянно выезжала в воинские части, на передовые рубежи Ленинградского фронта, черпая там материалы для своего творчества, передач «Радиохроники» и выступая перед бойцами с чтением своих стихов.

24 сентября 1941 года сделала очередную запись в своем дневнике: «День прошёл сегодня бесплодно, но так как времени нет, то всё равно. Зашла к Ахматовой, она живёт у дворника (убитого артснарядом на ул. Желябова) в подвале, в тёмном-

тёмном уголке прихожей, вонючем таком, совершенно Достоевщицком, на досках, находящихся друг на друга, — матрасишко, на краю — закутанная в платки, с ввалившимися глазами — Анна Ахматова, муза Плача, гордость русской поэзии — неповторимый, большой сияющий Поэт. Она почти голодает, больная, испуганная... Она сидит в крошечной тьме, даже читать не может, сидит, как в камере смертников». Ольга Фёдоровна способствовала эвакуации Ахматовой. Ей предлагали сопровождать Ахматову, но она осталась в Ленинграде. Берггольц любила Анну Андреевну Ахматову и бросалась ей на помощь в самые критические моменты её жизни; 10 марта 1966 г. выступила на церемонии прощания с А.А. Ахматовой в Доме писателей. 11 марта в газете «Литературная Россия» опубликовали «Слово прощания» с Ахматовой.

Литературовед Наталья Банк пишет: «О.Ф. Берггольц умела гордиться современниками, а перед иными благоговела. Так она относилась к Д.Д. Шостаковичу... В симфониях Шостаковича, особенно Пятой, Седьмой, Восьмой, она находила глубоко созвучное себе, родственное ощущение времени, близкое понимание человеческой природы». В сентябре 1941 г. по звонку Берггольц композитор Дмитрий Шостакович отправился в Радиокomiteт, чтобы рассказать о своей будущей симфонии, названной Героической. В день московской премьеры 29 марта 1942 года объединённый оркестр Большого театра и Всесоюзного радиокomiteта исполнил Седьмую симфонию Дмитрия Шостаковича, которую композитор посвятил Ленинграду, назвав Ленинградской.

9 августа 1942 г. (шёл 355-й день блокады) гитлеровцы намеревались захватить Ленинград. У них были заго-

товлены даже пригласительные билеты на банкет в ресторане гостиницы «Астория». Ленинградцы же приготовили свои пригласительные билеты, но это были билеты на первый концерт 7-й симфонии Дмитрия Шостаковича в Большом зале Филармонии. Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Леонид Александрович Говоров приказал провести операцию «Шквал» и огнём батарей 42-й армии предупредить вражеский обстрел города. Штаб артиллерии во главе с Сергеем Николаевичем Селивановым, выполняя приказ, не допустил обстрела центра города 9 августа во время первого исполнения в Ленинграде Седьмой симфонии Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Шостакович узнал о ленинградской премьере в Серноводске (Куйбышев), где его семья жила тем летом.

В 1943 году Ольга Берггольц в соавторстве с Георгием Пантелеймоновичем Макагоненко написала по заданию ЦК ВЛКСМ сценарий о ленинградской блокаде. Сама Ольга Фёдоровна считала, «сценарий получился более «театрален», чем «кинематографичен».

В этом же году врачи зарегистрировали новую, специфическую болезнь, от которой умирал каждый третий ленинградец. Это особого рода гипертония — повышенное кровяное давление, как «последствие замедленной бомбёжки» с непрерывными обстрелами, как результат непрерывного нервного напряжения. Человек внешне может «держаться себя в руках» и не реагировать на обстрелы и бомбёжки, а нервы и кровеносные сосуды, тем временем, приходят в негодность.

Весна и лето 1943 года были ознаменованы особенно свирепыми артиллерийскими обстрелами. Особенно трагичен оказался день Первого мая. Немцы били по самым оживлённым участкам города пять-шесть минут, затем затихали на час или срок пять минут. В полной тишине люди начинали успокаиваться, вдруг снова шквальный огонь и опять тишина. И так немцы «развлекались» весь день. Вечером горожане «не могли заглушить терзающее чувство скорби о погибших согражданах». Лютая зима заставила людей собираться в общежития в своих учреждениях и предприятиях. Весной они стали «особенно рьяно благоустраивать свои «квартиры», покинутые зимой 1941–1942 годов. Почти каждый житель города стал земледельцем. На рынках города обменивались продуктами. На хлеб обменивалось всё остальное. В осаждённом городе счёт вёлся на граммы.

В январе 1944 года группа корреспондентов въехала через уцелевшие Орловские ворота в только что освобождённый город Пушкин. Город лежал в развалинах, и ни одного человека они не встретили. О. Берггольц в хронике «Говорит Ленинград» отметила: «Немцы не оставили в Пушкине русских людей. Кого замучили и убили, кто умер от голода, кого угнали в Германию. Никому из пушкинцев не пришлось дожидаться дня освобождения в своём городе. Неживая тишина и полное, трагическое, угрюмое безлюдье царили на улицах, среди обугленных, полувзорванных или сожжённых домов и молчаливых чёрных парков».

Послевоенные годы жизни О.Ф. Берггольц

Наконец пришла Победа 1945 года, в которую она всегда верила и о которой писала во всех своих стихах и поэмах. Даже в «Февральском дневнике», рисуя ужасы блокады, она утверждала:

Двойною жизнью мы сейчас живём:/ в кольце, во мраке, в голоде, в печали./ Свободным, щедрым днём,/ мы этот день уже завоевали.

Февральский дневник

Наступило мирное время, но недолго длились для Берггольц счастливые дни и годы, когда в их доме собирались друзья по блокадному братству. В 1949 году началось «ленинградское дело» и над ней снова навис страх ареста и тюрьмы, ведь она была душой блокадного города, его голосом, его совестью.

В 1949 г. разгромили Музей обороны и блокады Ленинграда, во дворе сожгли документы и подлинные экспонаты. Книгу О. Берггольц «Говорит Ленинград» изъяли из открытых фондов библиотек и отправили в спецхран. Ольга Фёдоровна, начав работу над поэмой в стихах «Первороссийск», завершила её через долгие восемь лет, в 1957 году. В 1951 году поэтесса получила Государственную (Сталинскую) премию за первый — журнальный вариант поэмы, напечатанный у Всеволода Вишневского в журнале «Знамя».

Писатель, сценарист студии «Ленфильм» Михаил Кураев, участвовавший в работе над фильмом «Первороссийск» написал: «Невозможно отдать дань таланту и мужеству Ольги Берггольц, отдать дань

уважения и признательности за её вдохновенный, жизнетворящий труд, не признавая высокого достоинства времени, в котором она жила, которому она была верна. И вера её в избранный народом путь, и гордость за свою страну не были слепы. Она знала о сталинских застенках, о жертвах произвола не по рассказам, не из книг. Слово «сталинщина» я впервые услышал из её уст. Но даже тяготы, полной мерой доставшиеся ей, выпавшие на долю её страны, не только не убили, но и не поколебали в ней убеждённого строителя нового мира, строителя мировой коммуны».

Последние 15 лет (из 65 лет) жизни Ольги Фёдоровны Берггольц прошли на набережной Чёрной речки, неподалеку от места дуэли, горячо ею любимого Александра Сергеевича Пушкина. В феврале 1960 года она получила трёхкомнатную квартиру № 57 на третьем этаже нового пятиэтажного дома № 20.

«Музей – друзей»

Квартира, где жила Ольга Фёдоровна, в книге О.М. Оконева «...И возвращусь опять» описана с большим вниманием к каждой детали. Ещё бы: ведь в этом пространстве соседом Ольги Берггольц было Время, каждая деталь носила его печать. «Не клеймо, а печать, отражение», — уточняет Ольга Максимовна Оконева. Как рождалась их дружба? Две женщины, чьи имена одинаковы, а судьбы столь различны, познакомились просто и естественно. Ольга Оконева, тогда студентка Харьковского университета, писала дипломную работу о поэзии блокадного Ленинграда и вошла в

дом О. Берггольц благодарной, робкой поклонницей. Да, история знакомства обычная, но дальнейшая дружба, а в будущем — прочная душевная связь, длившаяся «долгие и короткие двенадцать лет», потребовала от обеих подруг уникальных качеств характера. «Музей друзей» — называл Михаил Светлов квартиру Ольги Фёдоровны на Чёрной речке. Музей тех, кто ей дорог и близок. Войдёмте же в него.

Приглушённый тёплый свет в маленькой прихожей, на открытой внутренней двери — афиша спектакля «Павшие и живые» в театре на Таганке с благодарственными автографами исполнителей. Одной из них, Алле Демидовой, суждено было прочитать блокадные стихи Берггольц не только на сцене, но и на экране. Именно она после долгих проб была утверждена на роль главной героини в «Дневных звёздах» и сыграла её, ни разу не увидев поэта до окончания съёмок. После знакомства с Ольгой Фёдоровной она говорила: «Передо мной сидела женщина с приятной картавостью в голосе, с неожиданным взлетом рук к волосам, с чуть приподнятым подбородком, с какой-то особенной зябкостью не физической, а душевной, будто бы нелюдимостью, на самом деле — с иной более сложной и глубокой общностью с людьми».

В столовой горят любимые Ольгой Фёдоровной красные свечи. Между двух канделябров — портрет Герцена. Именно он, с его книгой «Былое и думы», стал духовным отцом «Дневных звёзд» — первого в советской литературе «исповедального» произведения. Овальный портрет Блока. Не случайно эпиграфом к разделу «Годы» лучшего своего сборника «Узел» Берггольц взяла блоковское: «Благословенно, невозвратимо, / Неизгладимо... прости».

О.Ф. Берггольц и О.М. Оконеvская.
Лето 1966 г.

Письменный стол О.Ф. Берггольц

В доме О.Ф. Берггольц

На скромных чёрных книжных полках (как она не любила полированные витрины современных импортных шкафов и сервантов!) — портрет Ахматовой. Именно к ней на «заре туманной юности» пришли Ольга Берггольц и Борис Корнилов, протянув листочки со своими стихами. Над «письменной кроватью» — рисунок посмертной маски Достоевского и портреты блокадных детей работы Пахомова. Над письменным столом «спальни-кабинета» (так хозяйка называла вторую комнату) — херсонесская подкова, найденная на «стихотворном поле боя» и также ставшая для поэта символом верности счастью трудных дорог.

На полках — «самые мои» — её книги с автографами Горького, Тихонова, Твардовского, Маршака... Имена на книгах. Маршак познакомил Ольгу Фёдоровну с Горьким. «Общение с Горьким, — писала впоследствии Ольга Фёдоровна, — душевное и какое-то необычайно серьёзное, продолжавшееся вплоть до его смерти, оставило во мне след неизгладимый и в жизни, и в писательской работе».

Рядом с книгами Юрия Германа — фотография Евгения Шварца. Его самого Ольга Фёдоровна воспринимала как «необыкновенное чудо». «В пьесах Шварца, — заметила как-то Ольга Фёдоровна, — столько же моего, сколько его в моих стихах».

На самом близком стеллаже — Маяковский. Поколение Берггольц говорило от себя его стихами в решающие минуты жизни. Эти книги без автографов. Маяковский не видел Ольгу Фёдоровну. Не мог он знать, что, когда ленинградская литературная молодежь соберёт деньги на

дорогу тому, кто поедет на его похороны, выбор падет на неё. И она, двадцатилетняя, но уже давшая себе клятву: «Я буду профессиональным революционером-поэтом. Я сравняюсь даже с рабкорами», — стояла в легендарной юнгштурмовке с кобурой на поясе у гроба великого советского поэта.

Светлов обращался к Берггольц своим любимым словечком «старуха». И даже стихи, посвящённые ей в день 50-летия, назвал «Советские старики». Он намеренно шёл к обобщению возраста, относя и себя, и Берггольц к прекрасному поколению «нестареющих дьяволят». Автор песенки о мушкетёрах, он, как истинный рыцарь, обращается к даме:

Я не то, что прошу, родная, / Я приказываю: не старей!

Он готов нести бремя старости за двоих, лишь бы она оставалась молодой:

И по-старчески живописен, / Завяжу я морщин жгуты. / Я надену десятки лысин, / Только будь молодою ты.

Эти стихи были написаны в 1960 году — в день, когда Родина наградила блокадного поэта орденом Трудового Красного Знамени. В тот же день Светлов наградил её своими стихами. Музей друзей... Да не музей вовсе, а добрый дом Берггольц, где никогда не тесно друзьям, где, воскрешённые памятью, они собираются вместе — знавшие и не знавшие друг друга, увидевшиеся и не сумевшие увидеться из-за временного расстояния, все — живые и мёртвые, все, кто близок и дорог сердцу поэта Ольги Фёдоровны Берггольц.

Чёрная речка

Ольга Максимовна Оконеvская подарила петербуржцам бесценную книгу о поэте и «музе» блокадного Ленинграда, Ольге Берггольц. Прощедшая нелёгкий путь рукопись, продиктованная сердцем, превратилась в книгу в издательстве «Логос». Так определила творчество поэта Ольга Оконеvская: «Ольга была общительна и гостеприимна. И в голодное время, и позже, когда пришёл достаток, она любила угощать. В блокаду — при свете коптилки, а после войны, когда на Невском уже зажглись электрические фонари — при свечах. Их таинственный свет нравился Ольге, он напоминал ей то прекрасное и трагическое время, когда она впервые ощутила свою покоряющую силу... Блокада на всю жизнь осталась для Ольги незаживающей раной и источником поэтического вдохновения. На всю жизнь сохранила Ольга ощущение блокадного братства: люди, которых она узнала и полюбила в военные годы, навсегда становились для неё родными душами». В последние годы жизни она создаёт зрелые классические стихотворения о любви.

Переезд её на Чёрную речку был вынужденным из-за расставания с её последним мужем, военным корреспондентом радиокомитета в блокаду, которому она посвятила поэму «Твой путь». Впоследствии Г.П. Макагоненко читал лекции по истории литературы 18–19 веков в Ленинградском государственном университете. Она осталась совершенно одинокой. Она любила друзей. Даря друзьям свои книги, чаще всего писала на титуле: «С любовью».

Берггольц по-дружески любила Александра Александровича Фадеева. Узнав о его смерти, выскочила из дома 20 на ул. Рубинштейна в одном платье, без билета приехала «стрелой» на похороны.

«К литературным современникам Ольга Фёдоровна относилась по-разному: иных почитала, отдавала им дань уважения. Александр Трифонович (Саша, Сашенька) Твардовский был на особом счету. Хорошо зная себе цену, О.Ф. Берггольц сверяла шаги в литературе и общественной жизни с его судьбой. Редкий разговор обходился без этого имени, без восхищения или тревоги о нём, без ссылок на его слова, поступки, опыт». Когда вышла пластинка с записью «Тёркин на том свете» в исполнении А.Т. Твардовского, слушала её бессчётное количество раз.

5 марта 1965 года в Доме работников искусств была встреча с редколлегией журнала «Новое время». Кроме А.Т. Твардовского в Ленинград приехали А.Г. Дементьев, В.Я. Лакшин. Ольга Фёдоровна открывала вечер. Она вся как-то подтянулась, и, несмотря на сердечный приступ накануне, выглядела оживлённой, помолодевшей. А 20 декабря 1971 года на «Красной стреле» отправилась в скорбную дорогу — проводить Александра Трифоновича. На багажной полке лежал огромный ворох красных гвоздик.

О.Ф. Берггольц умела гордиться современниками, а перед некоторыми просто благоговела. Так она относилась к Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. 2 декабря 1956 года в Филармонии исполнением Восьмой симфонии Шостаковича дирижировал Е.А. Мравинский. Ольга Фёдо-

ровна любила театр, с восторгом вспоминала постановки спектаклей у Мейерхольда, особенно «Клопа» и «Баню» Маяковского, фарфоровой статуэткой Мейерхольда всегда хвасталась. Рассказывала о Таирове, с которым была знакома. Преклонялась перед талантом Алисы Коноен. Из современных режиссёров ценила Н. Акимова, Г. Товстоногова, Ю. Любимова, всячески поддерживала Театр драмы и комедии на Таганке в пору его трудного становления. В репертуаре театра был спектакль «Павшие и живые» по поэзии военных лет, в том числе и по её лирике.

Когда ходить на концерты стало не под силу, Филармонию заменили пластинки; иные были заиграны до хрипоты, до царапин. Душе была нужна музыка. Разная. По настроению. То слушает «Болеро» Равеля, «Весну священную» Стравинского, то Шопена и Рахманинова в исполнении Вана Клиберна; то хочет послушать любимый романс «Гори, гори моя звезда», «Элегию» Массне, «Персидскую песню» Рубинштейна в исполнении Шаляпина, то ставятся «Песни Великой Отечественной войны», то слушает Варю Панину, Александра Вергинского. Слушала и подпевала, и восторгалась бурно, и часто плакала при этом.

В небольшой комнате, окном на Чёрную речку, находилась библиотека, которую Берггольц собирала много лет. Книги стояли на стеллажах, громоздились на полу, за трюмо. Кабинетом поэтессе служила комната с балконом, выходившая на южную сторону. Здесь стоял письменный стол со старой пишущей машинкой. Над её кроватью, у

изголовья, висел портрет Д.Д. Шостаковича, над прикроватным ковриком — Ф.М. Достоевского и фотография Анны Ахматовой. Её большой портрет висел и на противоположной стене... Над бюро старинной работы — портрет юного Пушкина.

Ольга Фёдоровна хорошо знала советскую прозу, публицистику, почитала Эренбурга (публициста), любила М. Кольцова, Ю. Олешу, высоко ставила из современников В. Овечкина и С. Залыгина (особенно «На Иртыше»), восхищалась «Вологодской свадьбой» и другими рассказами А. Яшина, защищала от нападок рассказ Д. Гранина «Собственное мнение» и вообще ценила его прозу. Ворчала на Евтушенко.

Лекарства и книги — вот что её теперь окружало. Каких только не было здесь лекарств — сложных, редчайших, которые, надо отдать должное, она доставала и для других, буквально из-под земли. Отдельно она хранила детские книжки тридцатых годов — «Ирочкины книжки», которые любила дочка.

Болезни плотно, наглухо замыкали Ольгу Фёдоровну в комнате или в больничной палате в «Свердловке» на Старорусской. Её утешали цветы: гвоздики, розы, скромный душистый горошек и царственные хризантемы. Она была временами педанткой, придирой, она хотела, чтобы её капризы исполнялись сразу и без поправок. Московский писатель А. Крон, один из друзей Ольги Берггольц писал: «В этих разговорах Ольга предстала в самых разных обликах: то трогательно нежной, то до грубости резкой, радостно-доверчивой и угрюмо-замкнутой,

расточительно-щедрой и высокомерно-отчуждённой. Во всех этих суждениях, если исключить откровенно недоброжелательные, есть то, что я назвал бы чистой правдой. Любой человек, а человек талантливый в особенности, в разные моменты своей жизни, с разными людьми проявляет себя различно. Одному открывается одно, другому — нечто другое, но для всестороннего понимания такого сложного характера, как Ольга Берггольц, надо помнить: даже недостатки её характера — естественное продолжение её достоинств».

В последние годы на глазах друзей и родных из дома Ольги Фёдоровны уходил уют. Изящная старинная мебель ветшала, ломалась. Ольга Фёдоровна мало куда выходила из дома — больше лежала. Что-то ещё по инерции шилось, покупалось, а потом висело в шкафу без применения. Бывали моменты, когда ей хотелось что-то наладить. Время от времени вспоминала рецепты приготовления особенно вкусных, даже изысканных блюд, возобновляла традицию зажигать свечи в столовой, когда собирались друзья. Но друзей становилось всё меньше.

И работа не ладилась. Ольга Фёдоровна то заглушала в себе сознание этого, то казнилась. Говорила, что читать корректуру собственных книг бывает просто противно: ощущение такое, будто пережёвываешь старую пищу... Всё труднее становилось утешить, развлечь её. Иногда радовали письма, по-прежнему приходило много из разных концов страны от незнакомых людей. Знаки доброты и внимания со стороны друзей она принимала в последние годы очень избирательно.

13 ноября 1975 года скончалась Муза блокадного Ленинграда, ставшая за годы войны поистине народным поэтом. Даниил Гранин писал: «Умерла она в четверг вечером. Некролог напечатали в день похорон. В субботу не успели! В воскресенье не дают ничего траурного, чтобы не портить счастливого настроения горожан. Пусть выходной день они проводят без всяких печалей. В понедельник газета «Ленинградская правда» выходная...»

На гражданскую панихиду в Дом писателей 18 ноября 1975 года собрались многочисленные друзья и почитатели таланта Поэта. Люди стояли не только в зале — всё здание было переполнено. Здесь присутствовали Михаил Дудин, Дмитрий Хренков, Глеб Горбовский и многие другие ленинградские литераторы.

Ольга Фёдоровна Берггольц похоронена на Литераторских мостках Волкова кладбища, хотя просила похоронить её на Пискаревском кладбище вместе «со своими». Над могильным холмом на деревянном мольберте в овальной бронзовой раме её портрет, под которым на медной пластинке выгравированы строки из поэмы «Февральский дневник»: *Дыша одним дыханьем с Ленинградом, / я не геройствовала, а жила.*

В январе 2005 года на могиле установлен памятник (скульптор О.Э. Горевой). Фёдор Абрамов, вспоминая Ольгу Фёдоровну Берггольц, сказал, что она «перешагнула за порог жизни, чтобы обрести новую жизнь, обрести бессмертие, стать легендой. Она умерла, чтобы жить в веках. Жить столь же долго, сколько суждено жить нашему бессмертному городу на Неве».

Заключение

К 100-летию со дня рождения О.Ф. Берггольц прошла Международная научная конференция «Никто не забыт и ничто не забыто». В Санкт-Петербурге установлены две мемориальные доски — одна на доме, где она жила в тридцатые годы, на улице Рубинштейна, вторая — у входа в Дом радио, на тогдашней улице Пролеткульта (угол Итальянской ул. и Малой Садовой), бывшем в блокадные дни и ночи и её домом. Памятник установлен на литераторских мостках Волкова кладбища в 2005 году. Но в городе пока нет музея-квартиры О.Ф. Берггольц.

В нашем школьном музее «Истории Старой и Новой Деревни» создана небольшая выставка, посвящённая таланту и мужеству Ольги Фёдоровны. Мы хотим расширить экспозицию и представить материалы о блокадной Музе в нескольких разделах, а в особенности по последнему периоду жизни. Музей Ольги Берггольц был создан в 1984 году в школе № 329 (бывшая 117-я) ленинградскими школьниками — и тогда творчество поэта стало для учащихся не просто «темой» по литературе и вопросом в экзаменационном билете, а частью окружающей их жизни. Экспонаты коллекции исчезли из музея при новом директоре. Позже говорили, что школе требовался компьютерный класс. Бывший директор школы так комментировала: «Ушла мода на музеи».

В январе 2013 года в школе № 340 Невского района открылся музей

**Выставка на тему:
«Вспоминя Ольгу Фёдоровну
Берггольц»**

Ольги Берггольц с блокадной комнатой. Будет ли памятник во дворе дома № 20 по набережной Чёрной речки? И мемориальная доска на доме, где жила последние годы поэтесса? Хочется верить — будет!

Сегодня, перечитывая довоенные стихи Ольги Берггольц и написанную в зрелые годы повесть о поэтической юности, слушаю записанный на пластинку голос Ольги, читающей стихотворения разных лет, я полностью соглашусь с замечанием писателя Крона: «Я твёрдо знаю: не война сделала Ольгу Берггольц поэтессой, дух поэзии жил в ней всегда, война только раскрыла до конца её самобытный талант, придала её негромкому голосу покоряющую мощь».

*Руководитель:
В.А. Богданова*

АННА МУСАЕВА,
ученица 7 класса СОШ № 888
г. Москвы

ПЕВЕЦ И ГЕРОЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

А.И. Окаёмов

В предыдущем номере «Юного краеведа» мы познакомили читателей с историей известной песни «Орлёнок». Одним из её первых исполнителей был Александр Окаёмов. Мы хотим познакомить читателей с не менее интересной стороной биографии певца, участника Великой Отечественной войны.

Я узнала, что Александр Иванович Окаёмов родился 27 февраля 1905 года в Рязске в семье священника, что в Советское время не приветствовалось. Так случилось, что он совсем молодым человеком, в первые годы после Гражданской войны, стал ремонтным рабочим, что тогда чрезвычайно одобрялось. Однако талантливого юношу захватила музыка. Сначала он учился на вокальных курсах, а в 1926 году поступил в Московскую консерваторию и в 1929 году окончил её вокальный факультет. Затем он окончил педагогический факультет и с 1934 года преподавал в Музыкальном техникуме (училище) при Московской консерватории. С 1938 года являлся ассистентом класса сольного пения и камерного ансамбля консерватории. Обладая красивым баритональным басом, он был одним из первых исполнителей многих советских песен и активным пропагандистом вокального творчества советских композиторов на Всесоюзном радио и эстраде (Б. Шехтера, М. Ковалья, В. Белого, Н. Чемберджи, А. Давиденко и других). Создал ряд концертных программ, посвящённых П.И. Чайковскому (1934), М.П. Мусоргскому (1939) и др.

22 июня 1941 года жизнь нашей страны круто изменилась. Началась священная, народная война за свободу и независимость нашей Родины. 5 июля

1941 года Александр Окаёмов, отказавшись от брони, ушёл в народное ополчение, вошедшее в состав 8-й Краснопресненской дивизии. Он ушёл сражаться с ненавистным врагом, вторгшимся на родную землю, но вряд ли мог тогда предположить, что судьба героя одной из его любимых песен станет и его личной судьбой.

В составе Краснопресненской дивизии народного ополчения вместе с Окаёмовым ушёл на фронт доцент Московской консерватории Геннадий Павлович Лузенин — видный советский дирижёр и хормейстер. После окончания консерватории он стал главным дирижёром хора Московской филармонии и создал до войны в Москве оригинальный хор русской песни, который существует и поныне, став известным всему ми-

ру как академический хор русской песни имени А.Свешникова.

Через некоторое время в Москву докатился слух, что Окаёмов и Лузенин предали Родину. Для всех, хорошо знавших их, это казалось невыносимым. Но клеймо предателей оставалось на них вплоть до 1960 года. Их обвиняли в пособничестве и прямом сотрудничестве с гитлеровскими оккупантами.

Правду удалось узнать благодаря усилиям фронтовика, пермского журналиста Михаила Николаевича Колпакова, который потратил более 10 лет на поиски истины. Он не только встречался с людьми, знавшими артистов до войны и в плену, но и изучил архивы КГБ и гестапо. В мае 1962 года он принёс на студию телевидения города Пятигорска собранные за долгие годы материалы, кото-

43 410 полковник
Алфавитная карточка №

1. Фамилия, имя и отчество	Окаёмов Александр Иванович
2. Год рождения, состав ВУС	1908 Служит в/о инж. чб. х. 28
3. Когда призван по мобилизации	6/4/0 полковник Мобилиз. чб. х.
4. Домашний адрес семьи	Б. Каруцкая д. 28/кв. 9.
5. Место работы и занимаемая должность	Моск. Гое. полковник Сатарев
6. Дополнительные сведения	

рые свидетельствовали: Окаёмов и Лузенин совершили подвиг во имя Победы, но имена героев были злостно и преднамеренно опорочены.

Открытие Колпакова потрясло всех: Окаёмова и Лузенина выдал считавшийся их другом артист хора Владимир Ткаченко. При его непосредственном содействии музыканты были тайно уничтожены. Тайно, чтобы молва о них — предатели Родины — стала клеймом позора. Навечно...

Выяснилось следующее. Судьба Краснопресненской дивизии народного ополчения сложилась трагически. Окружённая немцами она была практически уничтожена. Оставшиеся в живых бойцы попали в плен. Среди них оказались и советские артисты, которых, раздетых и голодных, погнали в холодные октябрьские дни по шоссе в белорусский город Кричев, где на базе цементного завода расположился огромный Кричевский лагерь смерти.

Просматривая списки военнопленных, комендант города полковник Фишер, считавшийся интеллектуалом, знатоком русского художественного творчества, без особого труда обнаружил знакомые имена и решил использовать талант Окаёмова и Лузенина в своих целях. Мысли Фишера, изложенные начальству, были вполне логичны: дать свободу известным русским музыкальным деятелям и предложить им создать на оккупированной территории Могилёвской области народный хор русской песни. Если они согласятся с предложением немецкого командования, то «русский хор» станет лучшим доказательством немецкой гуманности и уважения фюрера к рус-

ской культуре. Тогда, как полагал Фишер, можно будет уверенно говорить, что третий рейх ведёт борьбу не с русским народом, а, как провозглашалось официально, с большевиками и евреями. И если население поверит немецкому командованию, то наверняка схлынет набравшее силу партизанское движение на занятых немецкой армией территориях и ей будет легче продвигаться на восток. Лишь бы артисты согласились на сотрудничество...

Артисты согласились. В это трудно было поверить. Но факт остаётся фактом: Окаёмов и Лузенин создали «русский хор». По их просьбе в состав хора вошли не только военнопленные, но и жители Кричева и близлежащих сёл. Оккупационные власти подарили руководителям хора отдельный двухэтажный дом и чёрный Опель, на котором артисты могли беспрепятственно ездить в любом направлении. Вскоре в Кричевский Дом культуры стал стекаться, как на праздник, народ со всей округи. На сцене выступал только что созданный русский хор. Лились рекой известные и любимые народом песни: «Полюшко-поле», «Вдоль по Питерской», «Из-за острова на стрежень», «Эй, ухнем», «Есть на Волге утёс».

Особым успехом пользовался Александр Окаёмов. Исполняемые им песни и арии из опер русских композиторов вызывали восторг зрителей, в числе которых были улыбающиеся и довольные немецкие офицеры. Фишер торжествовал. Он не ошибся. Благодаря артистам, союз немецкого гарнизона с местным населением достигнут! Оккупационные газеты и радио восторжен-

но рассказывали о выступлениях русского хора, обходя молчанием участвовавшие крушения поездов, идущих через Кричев на восток с живой силой и военной техникой.

Гестаповцы сбились с ног, ища исполнителей подрыва. Не помогали ни многочисленные облавы в Кричеве, Рославле, Климовичах и других населённых пунктах, ни усиленная охрана железнодорожного полотна, ни строжайший контроль за въездом и выездом.

Обнаружить «неуловимых мстителей» удалось только в начале 1943 года. Открытие шокировало комендантуру города. Оказывается, диверсионной работой руководили Окаёмов и Лузенин. Но как! Не берясь за оружие, не рискуя жизнями людей! Проводниками информации были русские песни!!!

Всё оказалось просто и одновременно гениально. Каждая песня в репертуаре хора была зашифрована. И если, скажем, русская народная песня «Есть на Волге утёс» открывала концертную программу, то это означало, что завтра через стратегически важный железнодорожный узел Кричев проследует эшелон с вооружением и воинскими частями, а если первой исполнялась бойкая, удалая «Вдоль по Питерской», то на следующий день следует ждать облаву.

В зале, где выступал хор, всегда было полно народу. Зрители охотно делились впечатлениями всюду: дома, на улице, на базаре. Разными путями, но в партизанские отряды непременно доставлялись сведения о «первой песне», а там уже принимались решения о необходимых действиях.

Необычайная схема связи хора и партизан успешно существовала до середины февраля 1943 года. В очередном доносе провокатора Ткаченко было указано на изготовление руководителями хора листовок с сообщениями об успехах советских войск под Сталинградом. При обыске в доме артистов действительно были обнаружены неопровержимые доказательства их подпольной деятельности: самодельный радиоприёмник, только что подготовленные тексты сообщений Совинформбюро, копировальная бумага. Эта работа, которую им никто не поручал, их и сгубила...

Расправа с артистами была чудовищной. Их изувечили. Лузенину сломали пальцы и кисть правой руки, которой он держал дирижёрскую палочку, а Окаёмову палачи перебили позвоночник, чтобы певец не только запеть, дышать не мог бы без страданий. 22 февраля 1943 года, жестоко избитых, босых, в изорванном нательном белье их привезли в лес, что неподалёку от деревни Прудок. Окаёмов и Лузенин, поддерживая друг друга, сделали последние шаги. Неожиданно Александр Окаёмов запел: «Орлёнок! Орлёнок! Взлети выше солнца...» Уже падая, песню подхватил Лузенин...

Фишер отказался от публичной казни, хотя она могла бы, наверное, стать показательным актом устрашения для населения. «Любитель русского искусства» решил иначе. Он намеревался навечно утопить в презрении имена Окаёмова и Лузенина. Артистов арестовали ночью, ночью их физически ломали, ночью их расстреляли, а после казни при участии того же Ткаченко пустили

Памятник подпольщикам Александру Ивановичу Окаёмову и Геннадию Павловичу Лузенину в Кричеве (Белоруссия) на месте расстрела.

Фото: Елена Каминская

слух об отъезде руководителей хора Лузенина и Окаёмова в Берлин для создания хора русской песни в столице непобедимого рейха.

Исчезновение руководителей оскорбило членов коллектива хора, они теряли свободу и любимое дело и поэтому посчитали себя брошенными, преданными. С этого момента и закрепилось жуткое слово «предатели» за погибшими друзьями.

Материалы, собранные М. Колпаковым, помогли вернуть доброе имя героям. Справедливость восторжествовала.

На месте их расстрела на народные деньги был поставлен обелиск. Имя Окаёмова было присвоено улице в его родном городе Рязске. Посмертно он был награждён медалью «За отвагу». Тела погибших героев были перезахоронены в Кричеве в братской могиле советских воинов, подпольщиков, военнопленных — жертв фашизма.

Фамилии погибших артистов были занесены на мраморную доску, установленную возле Малого концертного зала Московской консерватории имени П.И. Чайковского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология военной песни. М., 2006.
2. Берггольц О., «Никто не забыт, и ничто не забыто». М., 2013.
3. Взвейтесь кострами. М., 1982.
4. Гончарова Ю. «Взлети выше солнца. Мой дед автор «Орлёнка» и «Смуглянки»». Газета «Московский комсомолец», № 1618, 4 мая, 2005 г.

5. Даниэль М.Н., «Зямка Копач», Л., 1937.
6. Молодогвардейцы. М., 1974.
7. Нам не забыть вас ребята. М., 1970.
8. Царькова А., «Не расстрелянная песня. О подвиге артиста А.И. Окаеова: к 50-летию со дня гибели», «Авангард» (Рязск), 23 февраля 1993 г.
9. Шолохов М., «Тихий Дон», М., 2010.

Великая Победа

АНАТОЛИЙ ВАНОВСКИЙ,
ученик СОШ № 1 г. Тобольска,
Тюменская область

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

Фронтовые письма, треугольные конверты, опалённые дорогами войны, вы до сих пор хранитесь в гимнастёрках и бушлатах погребённых воинов, в домашних архивах, музеях. И за каждым письмом несочинённый ещё рассказ, ненаписанная новелла. В нашем школьном музее их более 30. Сегодня я хочу рассказать о переписке Юрия Лопарёва со своей сестрой, учительницей нашей школы Дорониной Дианой Платоновной. Эти письма она подарила нашему музею в память о Юрии.

В 1938 году он перешёл в 10 класс. В это время семью посетил большое горе — был репрессирован отец, Платон Ильич Лопарёв, красный партизан. Для Юры такое недо-разумение осталось непонятным.

В 1939 году Юра окончил среднюю школу № 1 и уехал поступать в Уральский политехнический. Сдав успешно экзамены, Юра зачисляется на электрохимический факультет. Но вот в письме сестре Дине в Москву он пишет:

12 сентября 1939 г. *«Дела у меня хороши, но учиться, пожалуй, не придётся в связи с приказом о призыве, очевидно причина — война с Финляндией».* А уже телеграммой маме сообщил: *«Взяли в инженерные войска, завтра выезжаем».* Но пройдя медицинскую комиссию в Чкаловском военно-воздушном училище, он туда не попал; родным было ясно — из-за отца. Юре не суждено было узнать о посмертной реабилитации Лопарёва Платона Ильича.

29 октября 1939 г. Юра пишет: *«Как я и думал, послали на Дальний. Сейчас в Ачинске. Скучаю о доме, часто вижу во сне наш Тобольск, что слышали о папе? Напишите».*

17 января 1940 г. Юрий пишет уже из Грузии: *«Каждый день занятия, могу стрелять из м/к винтовки на 100–150, из боевой на 300–400 метров, неплохо бросаю ручную гранату, а ещё лучше бросаю связку из 5 гранат от комбата».*

Юра учится в училище на пехотного командира. В свободное время пишет родным. 12 января 1941 г.: *«Учёба идёт нормально сегодня были в историческом музее. В апреле —*

мае должен сдать на младшего лейтенанта, а в сентябре — домой!!!»

22 июня началась война.

24 июня Юрий пишет в Тобольск: *«Здравствуй, мама, уезжаю по мобилизации в военное училище сдавать экзамены на среднего командира. Не знаю теперь, когда увидимся, да и вряд ли, боюсь только одного — пока учусь в училище, война закончится, и с немцами повоювать не придётся».*

Продолжается учёба в Баку.

12 апреля 1942 г. Юрий пишет: *«Работаю командиром роты. Обо мне не беспокойтесь, у меня всё в порядке».*

Он не окончил училище. Всех курсантов определили командирами воинских частей, и в августе 1942 года Юрий уже на фронте под Кизляром. Писем долго не было и вот долгожданное.

24 марта 1943 г.: *«Сообщаю, что октябрь и ноябрь находились в обороне, а со 2 декабря пошли в наступление. Тут уж другое дело: под дулами и минами, 14 декабря наступали на сильно укреплённый пункт, фрицы крепко стреляли из миномётов, кругом рвались мины».*

А утром лопатку бросил старшине, а сам окопаться не успел, одна мина упала в метрах 5–8, и я был тяжело ранен в правое бедро, боль была адская, отправили в госпиталь, там сделали операцию».

В письме от 10 мая 1943 г. Юрий сообщает, что сделали ещё одну операцию, *«в общем, в августе на*

фронт попаду, хочу в Россию на другой фронт».

Июнь 1943 года: *«Много читаю, погода хорошая, кругом всё в цвету, а у нас дома, наверное, ещё холодно, но всё равно у нас лучше, жары такой нет, воздух чище и всё родное».*

14 августа 1943 года: *«...Интересно, как вы там живёте, я от вас давно ничего не получал. Хорошо бы побывать дома, но теперь не придётся. Теперь только после войны, если живой вернусь. Такая злость на эту фашистскую сволочь. Через 7 дней мне уже 23 года, так что поздравляю сам себя».*

Выписавшись из госпиталя в Тбилиси, 5 сентября 1943 года Юрий получил направление в Москву на офицерские курсы. 13 сентября 1943 года по дороге в Москву Юрий видит разрушенные фашистами Краснодар, Ростов и другие города.

«Сейчас наши крепко дают немцам. Хоть бы скорей эта война кончилась, и мы бы встретились, очень хочу побывать дома. Жив-здоров. Юрий»

Новый 1944 год Юрий встретил в Кинешме. Ему предложили учить-

ся, но он отказался, его направляют в Москву.

12 сентября 1944 года он пишет домой, маме: *«Ребята приехали с Украинского фронта, они рассказывали, как фрицев гнали без оглядки, они всё бросали в панике».* Уже 27 сентября Юра выехал на фронт, его направили на 1-й Прибалтийский фронт.

17 декабря: *«Сейчас сижу в землянке и пишу письмо при свете копилки, а с запада доносится перестрелка, сейчас мы в глубоком тылу, сидим в землянке, варим картошку, пьём чай. Скоро будем в боях, и если писем не будет долго, то не беспокойтесь, ну пока».*

С Гвардейским приветом Юра».

Это было его последнее письмо.

А это уже запись Дианы Платоновны: *«21 февраля в мой день рождения мне вручили похоронку, хотела от мамы скрыть, но ночью она услышала, как я плачу. И всё поняла...»*

Вот так Юрий Лопарёв навсегда остался молодым.

*Да, экзамен на верность любимой Отчизне,
С честью выдержал каждый из наших ребят,
Имена их сегодня бессмертно и гордо,
как шеренга бойцов в школьном списке стоят.*

ДАРЬЯ САРПИОНОВА, ОЛЬГА ТАРЫШКИНА,
члены совета музея СОШ № 7 г. Колпашево,
Томская область

СТИХИ, КОТОРЫЕ НИКТО НЕ ЗНАЕТ...

Фронтовые письма — бесценный материал, который мы должны хранить вечно. Но это не обычные письма, это письма, которые Степанов Иосиф Савельевич писал в стихах. Давайте и мы, спустя 70 лет, познакомимся с ними. Эти письма хранятся в семейном архиве Тарышкиных. Орфография и пунктуация сохранены.

Добрый день! Весёлый час,
Иль час тяжёлой скуки,
Моё письмо возьмите в руки,
Оно написано для вас,
Хотел о жизни написать...
Но вот на фронт мы уезжаем
Мои родные и друзья
Я тыл надолго покидаю
И скоро буду бить врага.

(1943)

Стучат колёса по путям, вагон от качки стонет.
Пишу письмо, родные вам, пишу его в вагоне.
Стучат со звоном тормоза и нары зябко гнутся.
Леса, долины, на глазах мелькая, сзади остаются.
Машинист пары даёт, состав стрелкою гонит.
От паровоза дым идёт, в дали морозной тонет.
Спешат остаться позади полотно рельс стальные.
Спешу и я, привет с пути Вам передать, родные.
Мчит не с севера на юг, на запад мчит с востока,
Где канонады слышен звук, где бой идёт жестокий.

(1943)

Добрый день, мои родные! В дни разлуки трудных лет,
Вспоминая дни былые, как и прежде шлю привет!
Пусть привет, мои желанья, летят, родители, до вас.
Хоть и ждёте вы свиданья, долгожданной встречи час.
Ждёте, знаю, дорогие, ждёте, знаю горячо,
Но не думайте родные, может, встретимся ещё.
Счастье, может, улыбнётся и судьба не будет злой
Ваш сынок опять вернётся к вам с победой домой.

(1944)

Здравствуй, милый Сёма, мой любимый брат!
Шлю тебе до дому я привет с Карпат
С гор больших, высоких, где огонь горит.
Пусть в Сибирь далёко он к тебе летит.
Я, во-первых, кратко сообщу тебе.
Что не очень сладко брату на войне.
Знай, деньки бывают трудные для нас
Время не хватает, не уснёшь и час.
Всё равно братишка эта не беда,
Скоро будет крышка – разобьём врага.
Ты про то не знаешь, трудно ли, легко,
Только ожидаешь брата своего,
Да и знать не надо и видать картин,
Страшный бой снаряда и разрыва мин.
Лишь одно запомни, для себя учти,
Голову заполни, да на ус крути.
Хорошо учиться, хорошо читать,
Только не лениться, школу посещать.
Слушаться мамашу, папу и сестру,
Не учись плохому, а учись добру.

(26/XII 1944)

Здравствуй, Маня!
Издалека, с битвы жаркой на горе
Шлю привет я черноокой
Дорогой своей сестре.
Пусть летит к тебе, родная,
Он сквозь дым пороховой
До того родного края,
Где расстались мы с тобой...

(1943)

...Дни пройдут, пройдут недели,
Может месяц иль другой,
Подымусь и я с постели,
И опять отправлюсь в бой...

(1944)

*Руководители:
Т.Г. Никифорова и О.Н. Каширина,
г. Колпашево Томской области*

Великая Победа

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА,
педагог дополнительного образования
Дворца творчества детей и молодежи,
г. Вологда

Артиллерист Юрий Андреевич Рыжиков

9 Мая и 22 июня мы с ребятами приходим к Вечному огню. В эти дни на площади Революции, где расположен мемориал, много ветеранов Великой Отечественной войны. Мы встречаемся с ними, дарим цветы. Однажды, поздравляя с Днём Победы, мы вручили цветы одному пожилому человеку — хрупкому, с тросточкой, с наградами на груди. Среди них были медаль за оборону Ленинграда, орден Отечественной войны 1 и 2 степени, много других наград. Познакомились, разговорились. Этот человек — Юрий Андреевич Рыжиков — скромный, с блестящим чувством юмора и поразительным оптимизмом. О нём наш рассказ.

9 Мая, встреча у Вечного огня

Есть такая профессия — родину защищать! Участники мероприятия

Когда мы встретились с Юрием Андреевичем второй раз, у нас уже были подготовлены вопросы, специально разработанные для составления воспоминаний ветеранами войны и военного тыла. Наша третья встреча преподнесла нам бесценный подарок — рукопись на 17 страницах с воспоминаниями Юрия Андреевича о военных годах. Записи были сделаны на оборотной стороне различных бланков, рекламных листовок. Чувствовалось, что они были написаны на одном дыхании. Предстояло проверить мемуары участника Великой Отечественной войны на достоверность изложенных фактов. Расхождений не было обнаружено. На страницах его военной биографии — прорыв кольца блокады Ленинграда, Висло-Одерская операция и штурм Берлина. Когда мы вместе с Юрием Андреевичем, сидя у него дома, изучали карты военных

действий, он не мог скрыть своего азарта, вспоминая один за другим названия населённых пунктов военных дорог, фамилии сослуживцев, истории, связанные с ними... Память оживала.

Так началась наша дружба с этим необыкновенным человеком, которая длится уже 7 лет. Юрий Андреевич стал постоянным участником всех наших творческих дел. Как-то летом он ездил с нами в музей п. Семёново, радовался вместе с детьми всему увиденному, охотно фотографировался; однажды он был членом жюри в игровой программе «В ружьё!», проводимой ко Дню защитника Отечества. Мы много раз собирались за чайным столом с ветеранами и ребятами, где он всегда читал наизусть проникновенные стихи о войне, и рассказывал... Мы часто приглашаем его в наш музей. Когда Юрий Андреевич начинает свой рас-

сказ, все замирают — по щекам его текут слёзы. Становится понятно — сколько неутолимой боли скрывается за его обаятельной искрящейся улыбкой, громким, весёлым раскатистым смехом.

Мы очень рады, что такой человек остался в строю на долгие послевоенные годы. В памятные дни 9 Мая и 22 июня мы всегда уверены, что увидим его у Вечного огня. Всегда очень долго беседуем с Юрием Андреевичем. Рассказчик он отменный, любит петь, знает много стихов. На последней нашей встрече — на слёте «Блокадный наш передний край» — он прочёл наизусть почти всего «Василия Тёркина» А.Твардовского! Как-то раз наш земляк поведал нам, что есть у него мечта: научиться играть на баяне.

Юрий Андреевич о начале войны говорит так: «22 июня 1941 года я встретил в Ярославской области, где в то время учился в 10-м классе средней школы. Действиями гитлеровской Германии был глубоко возмущён. Чувствовал себя способным участвовать в борьбе против смертельного врага. Как всё предвоенное поколение молодёжи, я был воспитан в духе беззаветной преданности и любви к Родине. Такие фильмы, как «Весёлые ребята», «Волга-Волга», «Цирк», песни И.О. Дунаевского из этих фильмов были в сердцах парней, отправлявшихся на фронт».

По словам Юрия Андреевича, в ряды защитников Отечества он был призван Гаврилов-Ямским райвоенкоматом Ярославской области и 25 августа 1942 года был отправлен воинским эшелоном в Гороховецкий военный лагерь на формирование. В середине сентября 1942 года Ю.А. Рыжиков был включён в сос-

тав 311-го артиллерийского полка РГК (резерва главного командования), орудийный номер 152. Полк переправлялся с Западного фронта из района станции Сухиничи Калужской области на Ленинградский фронт. Командиром полка был полковник Аксёнов. По словам Юрия Андреевича, с середины сентября до конца декабря 1942 года полк вёл борьбу против артиллерийских батарей, обстреливающих город Ленинград и был рас сосредоточен в районе Пулковских высот. В конце декабря 1942 года полк был переброшен в район Ладожского озера, где в январе 1943 года Ю.А. Рыжиков участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

Юрий Андреевич рассказывает: «В конце октября 1942 года на берегу Ладожского озера нам предстояла перегрузка с железнодорожной платформы на баржи. Грузились по батарейно (два орудия 152 мм и два трактора ЧТЗ Челябинского тракторного завода) с обслуживающим персоналом».

Юрий Андреевич Рыжиков вспоминает: *«Идём по улицам разбитого города, по кучам кирпича и щебня, впереди — трактор с орудием, за ним — расчёт из 10 человек. Вот уже слышны за очередным поворотом автоматные и пулёмётные очереди. Кое-где взлетают осветительные ракеты. Над передним краем останавливаемся у перекрёстка двух железных дорог, на разных уровнях. В данный момент в нескольких сотнях метров от этого места находится станция ленинградского метро «Купчино» (в ту пору — разбитая до основания деревушка). Наша задача: стрельба по противнику по мере поступления снарядов, чистка канала своего ору-*

дия, разгрузка снарядов, отгрузка стреляных гильз для повторной заправки порохом, охрана боевых порядков батареи от лазутчиков, поездки за снарядами (чаще всего — в район Ленинграда, который назывался «Катушечная»). Юрий Андреевич вспоминает: «Были на фронте и счастливые минуты. Например, получение сводок Совинформбюро об успешном наступлении наших войск под Сталинградом. А ещё было очень приятно получать и отправлять фронтową почту — листочки бумаги, сложенные треугольником.

Катушечная. Здесь в подвалах каменных зданий находились склады артиллерийских снарядов. В обязанности смены расчётов входила также охрана боевых позиций от лазутчиков. Дежурили посменно, по два часа. Трудно, очень голодно жили в это время. Но были и здесь счастливые моменты, когда бежишь во время обеденного перерыва к батарейной кухне, заткнув ложку за голенище, или когда с того берега озера приходила машина с продуктами. В блиндаже, рассевшись в круг, скрупулёзно точно делили хлеб, сахар, иногда махорку и водку. В течение трёх с половиной месяцев машина с продуктами не приходила дважды; объявляли, что трёхдневная норма продуктов ушла под воду Ладожского озера. Тогда приходилось довольствоваться водой. Как-то раз ночью возвращаюсь со смены с дежурства в блиндаж, где у меня в вещмешке был подвешен остаток хлеба, думаю, — сейчас полакомлюсь. Но из мешка выскочили крысы, и мне пришлось «лакомиться» оставшимися крошками.

Однажды за снарядами пришлось ехать километров 20 по лежнёвке

(лежнёвка — это дорога по болоту из плотно уложенных друг к другу брёвен). Скорость передвижения по ней — 3 км в час, за прицепом пришлось идти пешком. После бессонной ночи на снегу у костра, обгоревший, заметил в стороне от дороги брезентовое сооружение — медсанбат с дымящейся трубой. Подошёл, попросил у медсестры кружку кипятка. В дополнение к воде эта замечательная женщина дала мне несколько кусочков сахарку. На всю жизнь запомню эти «несколько кусочков» и благородство этой женщины.

После двух суток поездки мы со снарядами прибыли в расположение батареи. Блиндаж мы отапливали остатками артиллерийского пороха, который в печке горит медленно и достаточно жарко. Сидя на корточках, бросал в печку по несколько ракушек пороха; захотел больше — бросил полный мешочек весом 150 граммов. Из буржуйки выскочило такое пламя, что чуть не опалил себе глаза».

Из воспоминаний Юрия Андреевича мы узнали, что 23 февраля 1943 года, во время ведения огневой атаки, он услышал окрик: «Рыжиков! К командиру батареи!» Артиллерист спустился по земляным ступеням в блиндаж, представился. Приказ был таков: «Пойдёшь по лесной тропинке в штаб полка, там тебя встретят. С собой взять лишь вещмешок». В штабе полка бойцу объявили, что его решили направить на учёбу в артиллерийское училище. Рыжикову не хотелось покидать фронт и боевых товарищей, но приказ есть приказ.

В марте 1943 года Ю.А. Рыжиков был командирован в Пензенское артиллерийское училище, где провёл

18 месяцев напряжённой учёбы и пробыл до 1 октября 1944 года. Юрий Андреевич рассказал об одном интересном случае: *«В артучилище, что говорить, святым не был. Однажды, провинившись, получил наказание — 10 суток гауптвахты, где не положено ни книг, ни газет. Но я сумел, однако, пронести под полой шинели «Правила стрельбы наземной артиллерии». Это был устав в 350 страниц, подписанный И.В. Сталиным. Все свободные минуты штудирую, анализирую параграфы — и не пожалел об этом. На первом же занятии на полигоне отстрелялся на «отлично», даже преподаватель артиллерии капитан Беляев поставил меня в пример другим курсантам: «Рыжиков долго отсутствовал на занятиях, а знает лучше остальных».*

По окончании артучилища он по распределению был направлен на I-й Белорусский фронт, где служил сначала командиром взвода разведки при штабе 41-ой отдельной противотанковой артиллерийской бригады. С февраля 1945 года назначен старшиной в 5-ю батарею 1958 артполка той же 41-й артбригады. Назначение частей — артиллерийский огонь по противнику по мере поступления снарядов и логической целесообразности. К месту назначения Ю.А. Рыжиков добирался на попутных поездах.

А в середине апреля орудия были отбуксированы на берег Одера; к тому времени там был построен понтонный мост, сосредоточено большое количество снарядов. Он охранялся авиацией и артиллерией. В ночь на 16 апреля проводилась артподготовка, был составлен график огневого вала, в котором было сказано о нача-

ле артподготовки и количестве снарядов на каждом прицеле. Рыжиков вёл залповый огонь, по его словам, как наиболее деморализующий.

Вот как рассказывает об этих событиях сам участник боёв: *«Утром 16 апреля 1945 года с правого и левого флангов плацдарма начинают артподготовку дивизионы «катюш», и сразу включается весь участок фронта. Грохот десятков тысяч орудий, миномётов, самолётов, перелетающих через Одер и сбрасывающих бомбы на противника. График огневого вала выполнен. За несколько часов сделано 250 залпов по противнику. Ждём приказ «сниматься», входить в прорыв, но вместо этого раздаётся команда: «Комсостав полка к командиру полка за получением приказа!» Полку поставлена задача перейти на правый берег реки по понтонному мосту, спуститься вниз по течению на 30 км и завязать бой с противником с целью отвлечь часть сил от основных направлений. Этот маршрут мы проделали за ночь. На новом месте завязали артиллерийскую дуэль с противником. Четверо суток непрерывного огня. Когда с противоположной стороны огонь начал снижаться, мы начали переправу. И вот мы снова на западном берегу Одера».*

Как комвзвода разведки Рыжиков получил задание командира: остановиться на перекрёстке, встречать полки, бригады, которым дано задание проходить через перекрёсток. Юрий Андреевич вспоминает, какая картина предстала перед ними: *«Здесь наши танки несколькими минутами ранее догнали и разметали немецкий конный обоз. Конные повозки, гранаты, панцер-*

фаусты — всё в одной куче, вперемешку. Вместо наших полков с запада идёт колонна пленных под охраной конвоя. В момент подхода к перекрёстку дорог подлетают немецкие самолёты, начинают обстрел и бомбёжку. Тут всякое управление потеряно. Все разбежались, попадали на землю, и я бухнулся в придорожную канаву. Прилетев, самолёты делают круговой разворот. Вскочив, я успел отбежать на 100 метров от дороги, упал в пахотную борозду. Пробомбив вторично тот же участок, самолёты скрылись».

На правом фланге Одерско-Кюстринского плацдарма, который располагался в низменности, солдаты жили в персональных ямках глубиной 60 см, копать глубже было нельзя, выступала вода. Четыре орудия батареи Рыжикова стояли на переднем краю траншеи. Связь с командиром полка гвардии подполковником Щербаковым была телефонная: «Рыжиков, будьте наготове! Гитлер дал приказ сбросить советские войска в Одер». Юрий Андреевич рассказывает: «Вечером слышен рёв танковых моторов, поблизости рвутся снаряды. Думаешь, что очередным разнесёт тебя на куски, — порой даже дымовые снаряды рвутся, и задумываешься о применении противогазов, которые всегда были с нами. Высунув голову из своей земляной ямки, даю команду: «Расчёты приготовить к отражению огневой атаки!» Напоминаю о взаимозаменяемости, о противотанковых гранатах как о дублирующих средствах».

На Вислинском плацдарме, во время ответного огня противника, Юрий Андреевич получил сильней-

ший удар в живот крупным осколком снаряда. Однако удар пришёлся в ремень и зимнее обмундирование, что спасло его от серьёзного ранения. Юрий Андреевич вспоминает: «После сильнейшего удара в живот и осмотра при свете копилки, выхожу из блиндажа. В траншее лежит начальник разведки бригады капитан Шарейко. Подхватив под руки, затащил его в блиндаж. У него на боку осколком снаряда искорёжен и вдавлен в тело пистолет. Подбежала санинструктор Люба, начала бинтовать его поверх шинели, но, простонав несколько раз, Шарейко скончался. В это время двое других старших офицеров — Желнов и Селиванов — оказывают себе помощь самостоятельно, применяя индивидуальные пакеты, они легко ранены. В машину взвода разведки попал танковый снаряд; подхожу — 5 человек убито. Один из них — Александр Пластинин из Кировской области, с оторванными выше колен ногами, обращается ко мне: «Рыжиков, пристрели меня!» Я не смог выстрелить в своего товарища. Позднее он погиб от потери крови.

Что из себя представляют фронтовые дороги, по которым мне пришлось проходить? — Справа и слева в придорожных канавах — убитые. На самом же профиле дороги — красно-розовые пятна длиной в два метра и шириной в метр: раздавленные танками трупы...»

Ю.А Рыжиков: «Мои товарищи по воинским подразделениям были отважными, преданными Родине людьми. С ними можно было выполнить любую военную задачу. Это — командиры орудий Бороев, Коробкин, Белов, Ченцов; все они — члены

расчётов. Из взвода разведки из 10 человек за один прорыв — от Вислы до Одера — погибли 8 человек, двое, Иванов и Орешкин, с многочисленными ранениями остались в строю до Победы».

Юрий Андреевич Рыжиков один из тех, кто участвовал в наступательной Берлинской операции. Вот как он описывает это сражение: «Дороги перегорожены деревянными, бетонными надолбами, металлическими ежами. Расчищаем путь, движемся в направлении Берлина. Отмечаю на карте красным карандашом маршрут, считаю километры до Рейхстага: 70, 60, 40, 14... Солдаты в кузовах «студебеккеров» с автоматами, прижатые к груди. Ожидаем огонь из любого оконного или дверного проёма. Скорость движения — 6–7 км в сутки. Минуем Берлин, проходим по северным окраинам, вытягиваемся полком на одной из дорог, местность опоясана кольцом леса. С опушки по нашей колонне ведётся стрельба. Даю команду: «Батарея! К бою!» Солдат словно ветром сдуло из кузова грузовика, отцепляют орудие от машины, упирают его в обочину дороги. Командир третьего орудия лейтенант Боровев: «Куда стрелять?» Натренированный до автоматизма, даю команду: «По орудью на опушке леса — огонь!» Бинокль показывает отклонение 40 делений угломера. «Левее 0.40 — огонь!» От второго снаряда сильнейший взрыв, вероятно, попали в боекомплект или в склад боеприпасов. Это радует. Вперёд не идём, зачем рисковать? Разворачиваемся на месте. Параллельной дорогой подходим к Эльбе. На водной глади — пароходы на парах. Пытаемся развернуть

орудие для стрельбы, но с конца колонны команда: «Стой! Огонь отставить! На противоположном берегу реки — американцы!» Входим в город Хавельберг ночью; в отдельных местах слышна перестрелка.

Утро 3 мая, солнечный день. На высоком крутом берегу реки Хавель похоронная команда роет могилу для тех убитых, которых собрали по городку. Без стрельбы непривычно тихо. Только орудия расставлены на танкоопасных направлениях. 6 мая раздаётся команда: «Привести орудие в походное положение!» Отходим на несколько километров от берега Эльбы, рассредоточиваемся в лесном массиве, где в ночь на 9 мая я услышал окрик дежурного по полку лейтенанта: «Юрка, только что сообщили по телефону, что кончилась война!»

9 мая 1945 года он встретил на Эльбе, куда в составе 1958-го артполка вышли в конце апреля 1945 года, миновав город Берлин, логово Гитлера. Радость была безмерной, победа для всех означала — жизнь. Салютовали из личного оружия, кричали «Ура!». Всех переполнял высокий морально-патриотический дух, на волне которого могли бы гнать фашистов до самого Бискайского залива, если бы получили такой приказ. В 41-ой артиллерийской бригаде четверо были удостоены звания Героя Советского Союза: Бочкарёв, Застрожный, Крикливый, Сулейманов. Это те товарищи, которым пришлось встретиться лицом к лицу с танками. Это на 1000 человек.

Юрий Андреевич после войны жил в городе Горловка Донецкой области, работал там шахтёром, столяром, плотником, затем в Молдавии,

**Ордена и медали,
отлитые из мужества и доблести**

откуда после распада СССР переехал в Вологду. У него две дочери, есть внуки. Юрий Андреевич полон оптимизма, с удовольствием общается с детьми и подростками, которые с особым интересом разглядывают у него на груди медаль на оливковой ленте.

В воспоминаниях ветерана много фамилий, иногда без имён (не всё можно помнить более 70 лет!). В настоящее время появилась уникальная возможность прибегнуть за помощью к электронным базам архивов Российской Федерации — obd-memorial.ru и podvignaroda.ru. На данный момент нам удалось выяснить место захоронения его родного брата — Валерия Андреевича Рыжикова, погибшего под городом Харьковом 12 апреля 1943 года и захороненном у реки Красной в селе Гусиновка Купенского р-на Харьковской области.

Извлечение из наградного листа¹ к Орденом Отечественной войны 1 степени: «В боях с 14.04.1945 года в районе Карлсбизе тов. Рыжиков выполнял обязанности старшего на батарее. Под его чётким руководством батарея вела бесперебойный огонь, в результате чего было подавлено 3 артиллерийские батареи противника, уничтожено до взвода немецких солдат и офицеров противника и 6 пулемётных точек. 28.04.1945 года в районе Альтюринген батарея также обеспечила непрерывное ведение огня, в результате чего было уничтожено 4 повозки с грузом и 2 пулемётные точки с прислужкой, тем самым было обеспечено продвижение пехоты вперёд. 1.05.1945 в районе Гартц батарея непрерывным огнём уничтожила до взвода пехоты и 2 пулемётные точки, тем самым обеспечила продвижение пехоты».

Поиск не закончен. Мы хотим, чтобы как можно больше людей узнавали о наших земляках — защитниках Родины. Я горжусь тем, что судьба свела меня с Юрием Андреевичем Рыжиковым; встреча с этим замечательным человеком дала мне возможность представлять его уникальную судьбу участника Великой Отечественной войны как правдивую иллюстрацию истории нашей многострадальной Родины. Работая в музее воинской славы, я осознаю огромную ответственность за сохранение памяти о наших земляках-вологжанках, военная судьба которых — пример величайшего мужества, воинского долга, преданности и любви к Родине.

¹ podvignaroda.mil.ru/podvig-flash/

Работы твоих сверстников

ВАЛЕРИЯ ВИНОГРАДОВА,
ученица 11 класса гимназии № 171,
2 курс Юношеского университета,
г. Санкт-Петербург

ДОМ НА СОВЕТСКОЙ УЛИЦЕ В ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Моя исследовательская работа посвящена дому № 7–9 на 5-й Советской (Рождественской) улице. Выбор этой темы не случаен. По данному адресу долгие годы проживала моя бабушка по линии отца, Виноградова Галина Евгеньевна, а сейчас в её же собственности состоит комната в одной из квартир данного дома. И мне интересно узнать историю дома, связанную с моими предками.

Дом № 7–9 по 5-ой Рождественской улице

Этот дом представляет собой значительную историческую и художественную ценность как памятник архитектуры эпохи модерна, созданный по проекту видного архитектора начала XX века С.Г. Гингера и являющийся одним из немногих, сохранивших первоначальный вид: с деревянными дверьми, витражными окнами, лепниной на стенах и потолках, мозаикой на полу. История это-

го дома не достаточно изучена, отсутствует информация о нём в монографии Б.М. Кирикова «Архитектура петербургского модерна. Особняки и Доходные дома». Дом не находится под государственной охраной, но относительно недавно включён в перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.

Пески

Путь на Пески с Балтийского вокзала весьма не мал. Пролёткам нагруженным приходится потратить чуть не час...

М. Струве

Рождественские, ныне Советские, улицы располагались в районе Пески. Этимология района восходит к песчаной гряде, протянувшейся вдоль Лиговского проспекта и доходившей до Суворовского проспекта, Невы и далее по Охте. Гряда эта являлась отложением бывшего на этом месте моря. Район был самым высоким в городе местом и никогда не затоплялся во время наводнений.

В XII–XIII вв. по территории Песков проходила дорога между Великим Новгородом и селом Спасским, расположенным на месте нынешнего Смольного. К середине XVIII в. здесь возникла слобода с Церковью Рождества Богородицы в центре. По названию церкви весь район получил название Рождественского. К концу XVIII в. Рождественская часть была одной из самых малых по территории и самых малолюдных: здесь проживало около 3% жителей столицы. Состав проживающих был очень пёстр, и единственное, что их

объединяло, — бедность. Лишь пробивка Суворовского проспекта до Невского в 1903 году привела к активному заселению Рождественской части более состоятельными людьми: купцами, офицерами, чиновниками. Началось благоустройство района: ещё до Первой Мировой войны помимо стародавней конки там ходили уже трамваи трёх маршрутов, прочно связавшие эту часть города с остальными. Таким образом, район к XX в., ранее отождествляющийся с бедностью и отдалённостью, стал поистине передовым и благоустроенным, пригодным для жительства состоятельных домовладельцев.

Что бы ни исчезло — появится новое...

Город рос, менялся, менялись и его части, в том числе и затронутые нами Пески. Согласно Атласу за 1849 год участок под № 7 принадле-

жал Н.П. Фёдоровичевой, жене коллежского асессора (одноэтажный дом), а под № 9 — графу Д.Н. Шереметеву (небольшой двухэтажный дом). Последующие документы об этих участках датируются 60-ми годами XIX века. С этого момента и до 1866 года территория со строениями принадлежала мещанину В.А. Головарёву.

Дом, как и многие другие в ту эпоху, много раз закладывался для получения ссуды и сдавался в аренду. В 1904 году участок, столь долгое время принадлежавший разным поколениям семьи Головарёвых-Шайдаковых, перешёл в руки нового владельца — потомственного почётного гражданина М.Т. Стрелина.

Дом в руках нового владельца

Кем же был новый владелец участка? Макарий Тимофеевич Стрелин — крестьянин, 1847 года рождения, ставший купцом (в купечестве с 1894 года) и потомственным почётным гражданином. Он состоял членом Сов. Приюта Принца Ольденбургского, был весьма богат, владел двумя кирпичными заводами. Дело отца продолжили его сыновья, рождённые в браке с супругой Екатериной Васильевной Стрелиной, — сначала Алексей Макарович (он был владельцем в 1897–1910 гг.), а затем и Василий Макарович, 1886 года рождения (он владел заводом в 1910-е). Из кирпичей, изготовленных на заводе Макария Стрелина, было построено здание Суворовского музея (в строительстве музея участвовали ведущие заводы Санкт-Петербурга, выполнявшие работы со значительными скидками или безвозмездно).

И вот в руки этой семьи и перешёл участок по 5-ой Рождественской улице. В этом доме проживал старший сын — Алексей Макарович с женой Ксенией Николаевной. Спустя 3 года после приобретения он был снесён, и начал строиться новый — большой, современный, в стиле модерн, под стать преобразившемуся району Песков. Архитектуру модерна отличает стремление к созданию одновременно и эстетически красивых, и функциональных зданий. Большое внимание уделялось не только внешнему виду зданий, но и интерьеру, который тщательно прорабатывался.

Новый дом строился именно в таких традициях крупным архитектором XX века — С.Г. Гингером. Дом по 5-ой Рождественской стал его четвёртым проектом в Санкт-Петербурге. Его постройку он начал в 1907 году. Быстро выросший за 3 года дом был поистине современным, соответствующим всем тенденциям, превосходящим технически оснащённым и просто изысканным и функциональным. Он включал в себя 5 этажей с фасада и 6 со двора, 2 флигеля: левый и правый. Нежно-розовый фасад украшался лепниной в виде мудрых старцев с длинной бородой и перемежался фрагментами из серого кирпича.

Также лицевую часть дома украшали слегка выступающие симметричные «фонарики». Скромная лепнина над высокими 2-метровыми окнами завершала внешний строгий, но в то же время лёгкий облик здания. В дом вели два парадных входа с улицы и четыре чёрных хода со двора. Парадные украшал мозаичный пол с цветочным орнаментом,

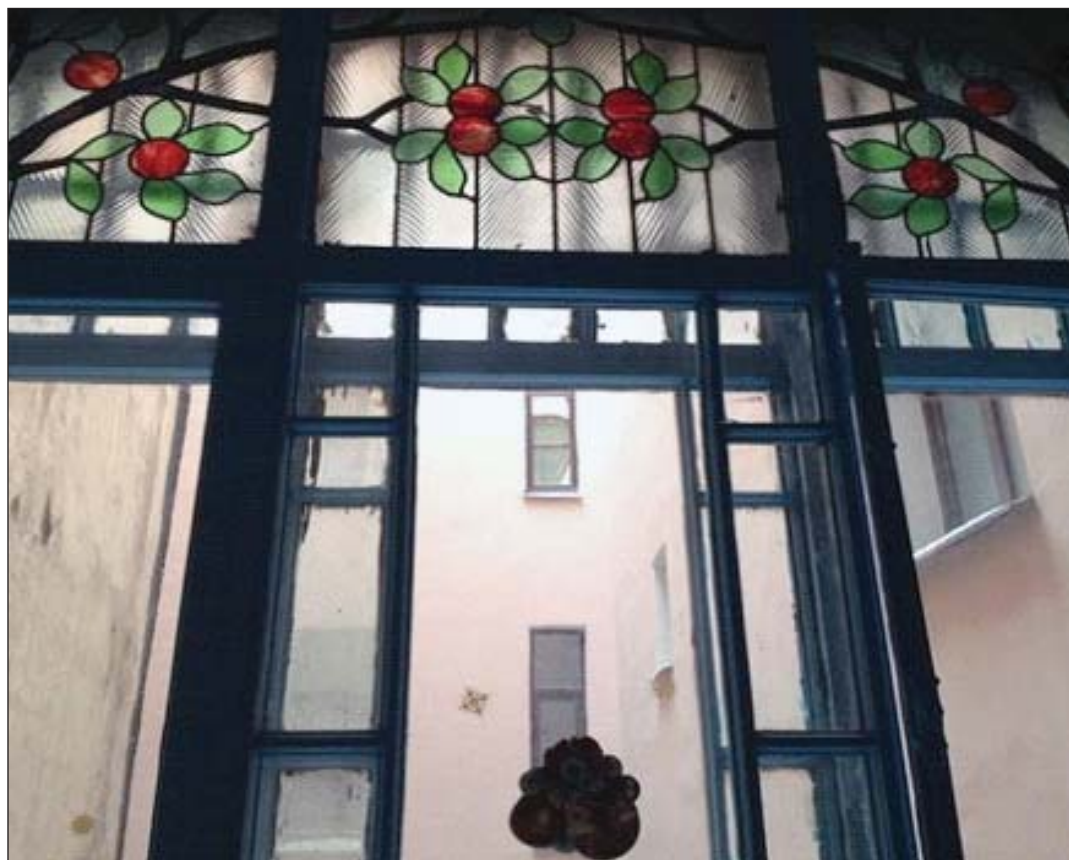
Фрагмент лепнины на стенах. Фото автора

Интерьер дома. Фото автора

на стенах — парящие нимфы, обвитые цветочными гирляндами, на потолке — также цепочки из растений. Окна завершались витражами с цветочными мотивами. В левом подъезде наборные витражи с деревьями. Один с красными яблоками, другой с розами на ветках. Витраж с растительным мотивом из правого подъезда точно такой же, как по улице Надеждинской (Маяковской), 30. Наряду с таким красивым оформлением просматривается и практичность — в парадных новые, большие, удобные лифты, стоят подставки для зонтиков. Таким предстал дом в 1910 году, завершённым окончательно и оформленным в полной мере. Однако активно использовался он уже с 1909 года. В пользование вошли 37 квартир,

Витраж в левом подъезде. Фото автора

расположившихся на 6 этажах. В доме проживало около 40 жильцов различных званий, чинов, национальностей и сословий. Здесь, в многокомнатных квартирах, с удобством расположились военные — действующие и уже отставные, потомственные почётные граждане и личные дворяне, студенты и преподаватели, мещане и купцы. Дом был во владении А.М. Стрелина и его жены Ксении Николаевны, проживавших здесь по соседству с братом Василием Макаровичем в доме № 11–13, приблизительно до 1924 года. Далее его история и жизнь круто меняется.

После Революции

Последний документ из дела об этом участке датируется 1917 годом, далее никаких записей не следует. Сведений практически не найти, а любая сохранившаяся информация о том периоде поистине очень ценна и важна. К моему счастью, в этом доме, спустя относительно небольшой срок после Революции, проживали мои предки, которые здравствуют и ныне и могут поведать кое-какие детали об истории этого здания. В 1936–1939 гг. в Испании развернулась Гражданская война. После этих событий, в интересующем нас доме

№ 7–9 по, теперь уже, 5-ой Советской улице на втором этаже расположился детский дом для эвакуированных испанских детей-сирот. Пережив 3 года войны, детский дом съехал с данного адреса. В бывшей квартире хозяев — кирпичных заводчиков Стрелиных, располагался РОНО (районный отдел народного образования). Для удобства работы служащих в стенах, украшенных лепниной, просверливают отверстия для телефонных проводов — весьма инновационно — дом продолжает по иронии судьбы быть передовым и сочетать в себе красоту и функциональность. Пережив тяжёлые годы войны, РОНО съезжает из этой квартиры, забрав с собой телефонные аппараты, но оставив на память маленькие дырочки от телефонных проводов, которые теперь дали нам весьма полезную и интересную информацию. После окончания войны дом вступает в свою «коммунальную эпоху». Квартиры единоличных владельцев становятся коммунальными. А в квартире, ранее занимаемой семьёй из 2-х человек — владельцев дома, теперь проживает советская интеллигенция — учителя, в основном преподающие в близлежащих школах и гимназиях. Им выделили эти комнаты после эвакуации, во время которой на территории блокадного Ленинграда немцы

громили дома и, вероятно, разрушили и преподавательское жильё. Жизнь в этой культурной квартире шла весьма и весьма чинно и размеренно, утром можно было услышать интеллектуальные разговоры на кухне. Однако прошло несколько лет, и считавшееся большим счастьем полученное жильё хотя бы в коммунальной квартире перестало казаться таковым. На смену социализму приходит капитализм. Так, постепенно все потомки учителей продали комнаты, разъехались, и теперь квартира, как и все остальные в доме в правом корпусе, принадлежит просто людям, спешащим пройти незамеченными в свою комнату и не ищущим общения со своими соседями. Нынешние жильцы разительно отличаются от прежних. Они не сильно заботятся о сохранности интерьеров, поэтому есть опасность, что они могут совсем исчезнуть. Резко изменился стиль отношений владельцев имущества. Левая же часть полностью приватизирована, там проживают хорошо обеспеченные люди, как когда-то было в начале XX века. Дом же с момента постройки порядочно обветшал, поизносился, но, к огромной удаче, отремонтирован в 2013 году, и остаётся только надеяться, что теперь он похож на тот дом, чьё строительство было завершено в 1910 году.

Заключение

Так, проявив свой интерес и приложив немного усилий, я собрала всю возможную информацию относительно этого дома и оформила её в рассказ. Я прочитала много статей из различных книг, журналов, эн-

циклопедий, исследовала ведомости о доходах, жильцах, рассмотрела планы дома, которые, к сожалению, в связи с особым порядком в Центральном Государственном Архиве еще не успели прийти, и я не могу

их приложить к своей работе, но они также очень ценны. Как и задумывалось, мне удалось составить список проживавших людей в доме № 7–9 по 5-ой Рождественской, найти документы, свидетельствующие о переходе имущества в те или иные руки, создать оценочный лист дома и просто узнать как можно больше о его истории, затронув историю моей собственной семьи. В дальнейшем необходимо обратиться к архивным делам, хранящимся ещё в одном архиве — ЦГА СПб, в частности домовым книгам дома. Еще одна линия поиска — жильцы дома 1920–1930 годов по адресным книгам «Весь Ленинград». Перспективным является и исследование истории детского дома испанских детей. Хочется

верить, что данный материал не пропадёт, а будет использован в будущем и будет интересен для прочтения и исследования. Выражаю особую благодарность моему руководителю, Аксельроду Владимиру Ильичу, правильно меня направившему и всегда готовому прийти на помощь; моему куратору Ерофееву Алексею Дмитриевичу; сотрудникам центра петербурговедения, у которых я почерпнула большой объём информации; заведующей читальным залом Центрального Государственного Архива Перекалиной Марии Михайловне за подробное разъяснение в работе с архивными делами и моей бабушке — Виноградовой Галине Евгеньевне, предоставившей информацию о доме XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. – СПб: Лики России, 2010, с.107.

2. Архитекторы и строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века. Справочник под общей редакцией Б.М. Кирикова – СПб: Пилигрим, 1996. – 97 с.

3. Большая Советская Энциклопедия. Т. 10. – М.: «Советская Энциклопедия», 1972, с. 504.

4. Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15000 городских имён. /авт.-сост. А.Г. Владимирович, А.Д. Ерофеев, А.Б. Рыжков. – СПб: информационно-издательское агентство ЛИК, 2013, с. 413.

5. Елшин Д.Д./ Векслер А.Ф. Клейма петербургского кирпича как источник информации/ Аничковский вестник № 36 – СПб: 2003. – 57 с.

6. Зодчие Санкт-Петербурга XIX – начала XX века. Составитель Исаченко В.Г. – СПб: Лениздат, 2000, с. 987-988.

7. Иванов Е.Ю. Каталог-путеводитель по витражам Санкт-Петербурга (период до 1917 года) – СПб: СПбГТУ, 2001. – с.127-128.

8. Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов. Справочник. – СПб: Альтсофт, 2001.

9. Кириков. Б.М. Архитектура Петербургского модерна. Особняки и Доходные дома. – СПб: Издательский дом «Коло», 2008.

10. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. Справочник. – СПб: Альтсофт, 2000.

11. Раутиан В. Г. Три экскурсии – СПб: 2009. – с. 7–9.

12. Сапрыкина Л. Ю. Возвращение в Пески. Новинские. /Фонтанка № 12 – СПб: 2012. – с. 57–58.

13. Цылов. Н. Атлас 13 частей Санкт-Петербурга на 1849 год – СПб: 2003, с.158, с. 244, с. 259.

14. ЦГИА СПб, ф. 513, оп.102, д. № 9242, д. № 9304, д.№ 9307, д. № 9311, д. № 9460, д. № 9239.

15. ЦГИА СПб, ф.515, оп.1, д. № 6427, д. № 8155.

16. ЦГИА СПб, ф. 515, оп. 2, д. № 4714, д. № 4716.

17. ЦГИА СПб, ф. 515, оп. 4, д. № 5089, д. № 5090.

18. Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. – М.-СПб: Цетрполиграф, МиМ-Дельта, 2007, с. 101-105.

Интервью с Виноградовой Галиной Евгеньевной

1. Здравствуйте, расскажите, пожалуйста, об интерьере дома, квартиры и комнаты к моменту вашего приезда туда.

Я приехала туда в 1948 году к своему деду, который жил там ещё раньше, приблизительно с 1946 года. Если зайти в парадные двери, то виден холл, выложенный красивыми плитками, на стенах — барельефы в виде женщин, окрашенные в белый и салатовый цвета. Красивая лестница с витыми перилами и гранитными ступенями. Стены парадной салатного цвета, украшенные более тёмными, зелёными гирляндами. Между 1-м и 2-м этажами окна с витражами (цветочный орнамент). Вход в квартиру — массивные, двойные деревянные двери под цвет дуба, далее холл, площадью метров 12, стены оклеены обоями. Затем прямой коридор, метров 20 длиной, по обе стороны коридора вели двери в

8 комнат. В конце квартиры — кухня, очень внушительных размеров, к ней примыкала комната, сейчас отведённая под ванную. Из кухни также был чёрный ход — двойные, деревянные двери. На кухне — большая, кирпичная, дровяная плита. В тот период было печное отопление; в каждой комнате были изразцовые печи, а в 2-х — круглые металлические.

Наша комната, первая справа при входе, площадью 25 кв.м, оклеена была синими обоями с золотым тиснением. Лепной потолок, в центре которого картина, нарисованная масляными красками — нимфа с амурами в воздушном одеянии. На границе с обоями — бордюре — деревянный золочёный багет. В правом углу — изумрудного цвета изразцовая печь с металлической медной красивой дверцей и витой ручкой. Красивый паркетный пол (крупные

Интерьеры квартиры. Фото автора

дощечки). Два окна, выходящие во двор, двойные рамы и очень красивые ручки. В правом углу у окна стоял трёхстворчатый шкаф, в простенке — высокий комод. В левом углу у окна — дубовый массивный письменный стол, посередине комнаты — дубовый обеденный. Справа — кровать со спинками из зеленой эмали. Убранство сохранялось ещё от первого хозяина — Стрелина.

2. А про другие комнаты что вы можете сказать?

Вся квартира — 235 кв.м. Комнаты — от 12 кв.м. до 32 кв.м.

Слева при входе располагалась анфилада из 3-х комнат (были проходы из одной в другую). Часть окон, как и сейчас, выходила на улицу, а часть — во двор. Только в одной комнате целых 3 окна и ещё в другой каморке одно, а так, в каждой комнате по 2. Всего в 3-х комнатах квартиры сохранилась потолочная лепнина (со дня постройки).

Первые две комнаты слева при входе раньше были одной, площадью 50 кв.м. Здесь лепнина сохранилась частично, т.к., по-видимому, был пожар. Тут есть действующий красивый изразцовый камин. Следующая по левую сторону большая (30 кв.м.) комната с сохранившимся лепным потолком. Также тут была круглая, видимо перестроенная, дровяная печь. Именно тут 3 окна, выходящих на улицу. Следующая маленькая комната, вероятно, прислуги.

Далее, комната также с сохранившейся изразцовой печью, действующей. За ней с этой стороны последняя, маленькая комнатка в 9 кв.м., в которой, похоже, была ванная комната.

3. А кто жил в этих комнатах, когда вы приехали туда и во время вашего дальнейшего существования там?

Во всех комнатах квартиры жили учителя, в том числе мой дед — преподаватель математики — Чубарь Дмитрий Максимович — обладатель ордена Ленина (награждён в 1948 году). Он получил комнату в этой квартире после возвращения из эвакуации, т.к. его жильё было разрушено бомбой.

Все жители квартиры получили своё жильё приблизительно в 1945–1946 гг. В первой комнате слева жил преподаватель русского языка и литературы в 161 школе (которая ныне не сохранилась, но была на 6-ой Рождественской — Советской) с семьёй — Волковы, — которые проживают там и доньше.

Далее проживала методистка дошкольных образовательных учреждений с сестрой и племянницей — Макеевы.

В следующей комнате обосновался Геллерман — преподаватель географии. До того, как преподавать, он оканчивал военную академию, был репрессирован, реабилитирован и возвращён в свой прежний статус.

В маленьком помещении жили сёстры Циля и Хася Борисовны — директор и воспитатель детского сада. Дальше, преподавательница немецкого языка с семьёй — Эрна Карловна Рюмина, которая преподавала в моей школе № 175, тоже, к сожалению, не сохранившейся.

И в последней комнате также жила учительница географии — Зацепина — одна, без семьи. Рядом с кухней одна проживала преподавательница русского языка — Доценко,

потом вышла замуж и уехала. Далее жила учительница математики — Кононова, которая преподавала на улице Конной. И в первой комнате по правой стороне, как я уже говорила, проживал мой дед.

4. Что было в вашей квартире до жильцов, проживавших там с 1946 года?

После Революции жил какой-то крупный инженер (возможно, репрессирован в 1936 году). Наш дальний родственник учился с сыном этого инженера в школе и приходил туда в гости. Он занимал квартиру целиком.

Приблизительно перед Второй Мировой войной, во время войны в Испании 1936–1939 гг., здесь, именно в этой квартире, которая, кстати говоря, принадлежала хозяевам дома, располагался детский дом для эвакуированных испанских детей-сирот. Он занимал только лишь второй этаж и лишь до начала Великой Отечественной войны. Более об этом ничего неизвестно.

Во время войны здесь располагался РОНО. Квартира в связи с этим была телефонизирована, аппараты стояли в каждой комнате, о чём можно сказать благодаря сохранившимся просверленным отверстиям из одной комнаты в другую. После войны РОНО отсюда съехал, телефоны забрали, и уже заново они установлены в 1963 году. В 50-е гг. был проведён газ и паровое отопление, железные печи были убраны.

5. После тех жильцов — учителей — кто проживал в этой квартире?

После Геллермана в комнате жил Пётр Кудрявцев, рабочий на заводе по производству деталей для космических кораблей. Потом же он обменялся с женщиной, также обитавшей на 5-ой Советской, которая проживает там и до сих пор.

До недавнего времени в комнате учителя русского и литературы проживал его внук, однако же эту комнату он продал, а свою 2-ю, приобретённую после смерти у сестёр — воспитательниц в детском саду, и сейчас имеет во владении. В комнате методистки жила ещё одна семья, обменивавшаяся с неким Соловьёвым, который проживает там до сих пор. В комнате учительницы немецкого всё ещё проживают её потомки. Вот так и выглядит сейчас эта квартира.

6. Были ли какие-то организации в былое время в этом доме?

Сейчас да, а вот тогда — нет, всё это были частные квартиры. Только под нами, на первом этаже, дворничья была.

7. Знаете ли вы что-нибудь о других жителях дома?

Ну, судьба нынешних жильцов довольно печальна, большинство из них страдает «русским» недугом, но что примечательно, над нами проживает человек — участник, ликвидировавший аварию на Чернобыльской АЭС.

Вообще же, в левом корпусе все квартиры частные, богатых хозяев, а в правом — все коммунальные.

Руководитель:

Аксельрод Владимир Ильич,

к.п.н., декан Юношеского университета Петербурга,

методист ГБОУ ЦО «СПб ГДТЮ»

Работы твоих сверстников

ЮЛИЯ БОЛЬШАКОВА,
ученица 9 класса Никольской СОШ
Межевского муниципального района
Костромской области

ПЕВЕЦ СВОБОДЫ ПАВЕЛ КАТЕНИН

Павел Александрович Катенин

14 декабря 2015 года исполнится 190 лет со дня восстания декабристов. Сегодня слово «восстание» не популярно. Но историю не перекроишь. Мне хочется показать роль моего земляка Павла Александровича Катенина в движении декабристов. Сам Павел Александрович в восстании декабристов не участвовал. Но его деятельность, особенно его творчество, сыграли существенную роль в подготовке восстания, целью которого была ликвидация крепостного права, унижающего человека как личность.

11 декабря 2012 года мировая общественность отметила 220 лет со дня рождения Павла Александровича Катенина. Особый интерес костромской общественности и литературных кругов вызвал этот юбилей, так как писатель, драматург XIX века родился и вырос в усадьбе Шаёво Кологривского уезда Костромской губернии. Усадьба

Кологривская улица

Шаёво находится недалеко от города Кологрива (20 км). По всей вероятности, Катенин неоднократно бывал в этом уездном городе и ходил по улицам Кологрива, стоял на берегу реки Унжа. Каждый год я езжу в Кологрив на День Гуся, проезжаю мимо усадьбы Шаёво, хожу по улицам Кологрива, люблюсь на гусей, отдыхающих во время перелёта на островке середины реки Унжи.

Я родилась и живу в Межевском районе на северо-востоке Костромской области в селе Никола. Наш район образован в 1928 году, до этого он входил в состав Кологривского уезда. От нашего села до усадьбы Шаёво около 30 км. Там где была усадьба, сегодня ничего не сохранилось, кроме деревьев. К сожалению, нет даже указателя на трассе Георгиевское — Кологрив, где находится

это место. Мне кажется, это несправедливо. Ведь в этой усадьбе родился и скончался поэт, герой 1812 года, участник создания «Союза спасения» Павел Александрович Катенин.

С каждым годом возрастает интерес общественности, литераторов, краеведов, историков к этой личности. Я тоже решила обратиться к фигуре Павла Александровича Катенина.

Малая родина

Усадьба Шаёво в Кологривском уезде стали для Павла Александровича Катенина главной точкой опоры в жизни и творчестве. Здесь прошли его детские годы, когда человек познаёт мир и складывается его характер, формируется лич-

ность. Близость к природе, красота здешних мест дали представление о мире прекрасного, что с полной силой проявилось в поэзии Катенина. Только развитие в окружении природы наших лесов позволили Катенину написать небольшую, но яркую поэму «Леший», в которой отражены и детские страхи, и попытка их преодоления, и отголосок рассказов няни или матери, старающихся уберечь ребёнка от самостоятельного хождения в лес.

Павел Александрович Катенин родился 11 декабря 1792 года в усадьбе Шаёво Кологривского уезда в родовом имении Катениных. Отец поэта Александр Фёдорович Катенин (1757–1808) посвятил свою жизнь служению родине и на военной службе получил звание генерал-лейтенанта. Мать поэта Дарья Андреевна Катенина (1762–1813), в девичестве Пурпур, имела в наследство от мужа усадьбу Шаёво и всю жизнь прожила в ней. Родила девятерых детей, но только трое сыновей — Пётр (1787–1841), Григорий (1789–1812) и Павел (1792–1853) дожили до совершеннолетия. Видимо, Дарья Андреевна была женщиной доброй, потому как сама отпустила на волю крепостных, в их числе 17 девок. Это явилось предметом её раздора с сыном Петром, который считал, что каждая «девка стоит по меньшей мере по 200 рублей».

Известно, что до 14 лет Павел Катенин получал домашнее образование, которое многие авторитетные люди называют блестящим. Подробных сведений об учёбе я не нашла. На службу поступил в департамент Министерства народного просвещения. Постепенно поднимался по слу-

Кологривский Успенский собор

жебной лестнице, получил чин коллегии-юнкера, затем чин титулярного советника. И вдруг неожиданный шаг к военной службе — портупей-прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. Исследователи зафиксировали тот факт, что мать Катенина, Дарья Андреевна, была рада, что сын продолжил семейную традицию военной службы. Детские годы поэта прошли в сельской местности, а в возрасте 14 лет началась фактически взрослая жизнь.

Первое документальное свидетельство об усадьбе относится к XVIII веку. В ведомости о числе людей и поселений в городе Кологриве и его окрестностях за 1782 год упоминается починок Шаёв с 22 душами крестьян, принадлежащий

Кологривский Краеведческий музей

действительному тайному советнику Адаму Васильевичу Олсуфьеву. В 1794 году Шаёво с деревнями Королёво, Мартьянка, починком Собакиным приобрёл полковник Александр Фёдорович Катенин по купчей от сына Адама Васильевича — Алексея Адамовича Олсуфьева. Барский дом в Шаёво был очень большой, одноэтажный, длинный, деревянный на высоком кирпичном фундаменте. Снаружи брёвна были обшиты тёмсом. Внутри сквозь всю длину дома посередине проходил коридор, по обе стороны которого располагались комнаты. Печи были обложены изразцами. При доме находилось большое количество разных хозяйственных построек: жильё для прислуги, скотный двор, конюшня, овчарня, рига, сыроварня, два амбара, сенной сарай, ледник, колодец. Имелся большой сад. В ведомости 1858 года даются сведения о крестьянских застройках, условиях работы крестьян. Оброк составлял 40 рублей в год. В переписке Павла Алек-

сандровича с Батиным и Колосовой есть интересные замечания, касающиеся его пребывания в Кологривском имении. Например: «Хлопот хозяйственных такая бездна, что я не знаю, как меня достаёт и, право, боюсь с ума сойти, если это продлится, лучший мой день в неделе — четверг, мне приносят письма с почты, и я хоть на несколько часов в беседе любезных людей забываю моё одиночество, дела и заботы». Шаёвский дом, как и окружавшие его служебные постройки, не сохранился до нашего времени, но простоял довольно долго — до начала Великой Отечественной войны. В усадьбе находилась мельница. В настоящее время только липы напоминают о былой усадьбе Катениных в Шаёво.

Влияние природы лесного края на личность Катенина

Окружающая природа северо-востока Костромского края представля-

ла собою таёжные леса, сегодня уничтожаемые множеством предпринимателей. Лес вырубался и в те далекие времена, но не с такой скоростью. Когда едешь в Кологрив, то хорошо видны холмы и низины, по которым проложена дорога. Фактически мало что изменилось за 200 лет в ландшафте. Чтобы ездить по таким дорогам на лошади надо иметь завидную смелость, упорство, порой и упрямство. Таёжный лес — это и зимняя сказка и дремучие дебри в летнее время. Каждый год даже в наше время в лесах плутают грибки и ягодники. Грибов растёт множество, только собирай, не ленись. Да и ягодные места замечательные в наших краях — земляничные поляны, черничники, брусничники, малинники щедро одарят неленивого сборщика. Правда, есть одно неудобство — множество овода и мошкары. Я думаю, что вряд ли Павел Александрович собирал ягоды, но пройти мимо грибов он не мог. В литературе о поэте я не нашла никакого упоминания о его охотничьей страсти. Возможно, он не был заядлым охотником, но на охоту явно ходил — не мог такой человек не быть охотником в наших краях.

Таким образом, природа костромского края формировала его характер как человека уверенного, мужественного, идущего наперекор обстоятельствам.

Кологривские друзья и приятели поэта

Павел Александрович был человеком общительным и притягивающим к себе широтой кругозора, воспитанностью, начитанностью и гос-

теприимством. На день рождения он «встречал гостей — 50 человек, съехавшихся... на 11 число, коих приезд начался 9-го, а только... 13-го последние в обратный путь пустились». Гостеприимство его распространялось на всю округу. Среди гостей присутствовали все добрые соседи: Жуковы, Майковы, Погожевы, Пяткины, Хвостовы, Фигнеры, Опухтины и Толстые — с ними он «поддерживал более тесные, чем просто соседские, отношения». Среди названных фамилий мне знакомы три — Майковы, Толстые и Фигнеры. Моё родное село Никола — историческая родина графов Толстых: Фёдора Американца, Яннуария и Петра, а также их сестры Марии Лопухиной (Толстой), портрет которой украшает Третьяковскую галерею. А семья героя Отечественной войны Александра Фигнера жила в усадьбе Марьинское (ныне посёлок Первомайский), которая находится в 13 километрах от моего села Никола.

Больше, на мой взгляд, Катенин общался с Януарием Толстым. Януарий — самый младший из сыновей графа Ивана Андреевича Толстого, после Отечественной войны 1812 года переселился на постоянное жительство в наше село, оставив в Петербурге жену и двоих детей. Здесь он женился вторично на простой крестьянке Матрёне Самойловой. Именно с ним мог регулярно общаться Павел Александрович Катенин.

Памятные места в Костроме

Кострома — губернский центр в XIX веке. Не мог и наш поэт миновать этот город. Источники называют здание Дворянского собрания,

где неоднократно мог бывать П.А. Катенин. Здание находится на проспекте Мира, рядом с площадью Сусанина: внешне скромное, но внутри имеет несколько залов, украшенных лепниной. Высокие потолки создают впечатление строгости и величия проводимых там мероприятий. Чугунная лестница с ажурными ступенями. Внутренние помещения дома оформлены в строгом торжественном стиле, в интерьерах господствует белый цвет. Особенно привлекателен Мраморный зал, в котором можно видеть колонны, арки, зеркала и роскошные люстры. Сейчас дом принадлежит художественно-историческому музею.

Катенин был заядлым театралом, сам писал пьесы и старался их поставить на сцене театра в Петербурге. Думаю, что и в театрах Костромы он тоже бывал при посещении губернского города.

Участие П.А. Катенина в Отечественной войне 1812 года

В 1810 году Павел Александрович перешёл на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. К 1812 году он был уже подпоручиком и в этом чине начал своё участие в Отечественной войне. Это отражено в его формулярном списке, составленном в 1827 году. Вот что мы узнаём из этого документа: в 1812 году, 26 августа, участвовал в сражении при Бородине. В 1813 году находился в походе при переходе через реку Неман в пределы герцогства Варшавского. Вместе с армией был в Пруссии и Саксонии. 20 апреля 1813 года был

в сражении при Люцене, 8 мая — при Бауцене; потом вступил в Богемию, а затем в королевство Саксонию, где был в сражениях в Кульме и в битве под Лейпцигом. В 1814 году после взятия Парижа вернулся в Россию. Произведён чинами: поручиком (1813), штабс-капитаном (1816), капитаном (1818) и полковником (1820). Награждён орденом св. Владимира IV степени с бантом и прусским орденом Железного креста. Сверх того, Катенин был награждён серебряной медалью, установленной в память 1812 года. В отставку был уволен по Высочайшему приказу без награждения чином 7 сентября 1820 года.

Творческая деятельность

Творчество Катенина разнообразно и разносторонне. В первой четверти XIX века он — поэт, критик, драматург, переводчик, театральный деятель. Друг Пушкина и Грибоедова, Кюхельбекера. Играл заметную роль в формировании общественного мнения. В донесении агента третьего Отделения был назван «оракулом Преображенского полка, регулятором полкового мнения и действий молодых офицеров». При этом — яркий полемист, возмутитель спокойствия, «опальный изгнанник», «шаёвский и кологривский затворник». В начале 1833 года вместе с Александром Пушкиным утверждён академиком Российской академии по словесности, производит «там большой шум».

Павел Александрович Катенин дебютировал в 1810 г. Высоким образом, источником героических тем и образов была для Катенина литера-

тура классицизма, особенно французского («Смерть Приама», «Эклога. Из Виргилия», «Песни в Сельме»). Отечественная война 1812 г. стала переломным событием в жизни многих писателей, в том числе и Катенина. В его творчестве появляются стихотворения, в которых лирический герой, прежде достаточно абстрактный, наделён автобиографическими чертами, в которых отражена индивидуальная судьба человека. Определённые автобиографические мотивы присутствуют в балладе «Певец Услад» (1817), рассказывающей о верности героя своей возлюбленной даже после её смерти. Это не просто произведение с весьма распространённым литературным сюжетом, в нём отражён личный опыт Катенина, пережившего смерть невесты. Доказательством этих новых тенденций служит лирический герой элегии «Грусть на корабле» (1814), обнаруживающий определённые черты биографии поэта, в частности его трёхлетние военные походы (1812–1814).

*С жизненной бурей борюсь я три
года,*

Три года милых не видел в глаза.

Рано с утра поднялась непогода:

*Смолкни хоть к полдню, лихая
гроза!*

Тоска по родному дому, по матери и друзьям отчётливо видна в строках:

*Что ж? может, счастливей буду,
чем прежде,*

*С матерью свидясь, обнявши
друзей.*

*Полно же, сердце, вернися к
надежде;*

Чур, ретивое, себя не убей.

Мужество Катенина в годы Отечественной войны привлекало к нему внимание и вело к быстрому продвижению по службе. Но молодой офицер стремился не к успешной карьере, а к борьбе за свободу, к уничтожению самодержавного деспотизма. Сторонник немедленных и радикальных действий, он стал членом самого раннего из тайных обществ — «Союза спасения», был одним из руководителей декабристского «Военного общества». Ненависть Катенина к тирании проявилась в революционной песне, из которой до нас дошёл лишь отрывок — «Отечество наше страдает...», в переводе фрагмента из трагедии Корнеля «Цинна», где оправдывалось убийство императора-тирана.

*Отечество наше страдает
Под игом твоим, о злодей!*

*Коль нас деспотизм угнетает,
То свергнем мы трон и царей.
Свобода! Свобода!*

Ты царствуй отныне над нами!

Ах! лучше смерть, чем жить

рабами,

Вот клятва каждого из нас.

Исследователи относят данный текст к периоду 1816–1820 годов. Эти строки раскрывают и личную убеждённость автора в необходимости свободы для каждого человека. В «Отрывке» угадываются события заговора против Александра I, когда предполагалось убить царя во время богослужения в Архангельском соборе. Данный вольный перевод французской революционной песни фактически стал гимном для будущих декабристов.

Павел Александрович Катенин по праву может быть назван певцом

свободы. Сегодня такую литературу называют «декабризм». «Декабризм» — широкое идеологическое движение, захватившее в 1816–1825 годах самые различные стороны общественной жизни России. Интерес к национальным особенностям культуры в поэзии декабристов сочетался с представлениями о возвышенности и гражданственности искусства. Чаще всего высоким героем в произведениях Катенина является поэт. Поэты Катенина — это люди с тяжёлой судьбой, непризнанные и гонимые, но верные музам и своему гению. Автобиографический образ певца, не желающего славить самодержавие, дан в «Старой были». «Мнение правит миром» — утверждала передовая просветительская философия XVIII в. Воспитанники этой философии — декабристы — верили в силу разума и считали необходимым и возможным воздействовать на «общее мнение».

Неоднократно замеченный властями «с невыгодной стороны», Катенин был уволен в отставку с мотивировкой «по домашним обстоятельствам». Но причины её были другими. И связаны они были не только с участием Павла Александровича в создании организации будущих декабристов «Союза спасения», так как правительству было известно о причастности многих офицеров гвардии к этому обществу, позднее превратившемуся в «Союз благоденствия», но оно не считало нужным принимать какие-либо меры против вольнодумцев — гвардейских офицеров. Видимо, здесь сыграли роль личные качества Павла Александровича Катенина. Позднее, когда состоялась высылка уже

уволенного в отставку Катенина из Петербурга на родину, в усадьбу Шаёво, начальник главного штаба, генерал князь Волконский, так выразился о П.А. Катенине: «Государь император повелел... как наперёд господин Катенин замечен был неоднократно с невыгодной стороны, поэтому и удалён был из лейб-гвардии Преображенского полка». По отзывам современников, лично знавших Катенина, он был самолюбивый, гордый, с крайне большим самомнением, очень тяжёлый в отношениях с близкими человеком. Выйдя в отставку «без награждения чином» (обычно хороших офицеров при выходе в отставку награждали следующим, очередным, чином), Катенин прожил в Петербурге ещё два года. В 1822 году он был выслан из столицы по распоряжению петербургского генерал-губернатора генерала М.А. Милорадовича, враждебно относившегося к Катенину. Поводом для высылки послужил инцидент в театре, когда П.А. Катенин, «ошикал» чем-то не угодившую ему балерину, знаменитую Азаричеву, которая была особенно ценима Милорадовичем, бывшим таким же завзятым театралом, как и Катенин.

После событий 14 декабря 1825 года император Николай Павлович не счёл нужным преследовать П.А. Катенина, и против его фамилии появилась Высочайшая отметка: «Оставить без внимания». Возможно, что факт неучастия самого П.А. Катенина в событиях 14 декабря 1825 года каким-то образом повлиял на решение Николая I, а, может быть, он знал, что, проживая в своём имении, П.А. Катенин не будет заниматься политическими делами.

Личная позиция поэта и её отражение в творчестве

Отрицательное отношение поэта к самодержавию сказалось и во время высылки поэта в Шаёво. 13 октября 1824 года император Александр Первый проезжал через наш уезд, возвращаясь из Вятки. Дорога проходила чуть в стороне от тракта, на котором находилась усадьба Шаёво. Кологривские помещики приехали в Ильинское и Кологрив для встречи с императором. Среди них Павла Александровича Катенина не было. А ведь мог бы воспользоваться моментом и подать прошение лично.

Вместо этого наш поэт на время уехал из усадьбы и не пожелал встретиться с царём. Данный факт говорит о непримиримости убеждений.

В 1812 году в «Сыне отечества» поэт показал патриотизм и могущество героя — разбитого, тяжело раненного, но внутренне не сломленного.

*Но чем бы не решались битвы,
Моя надежда всё крепка:
Услышит наши
Бог молитвы
И нас спасёт его рука.
Он русским даст терпенья силу,
Они дождутся красных дней;
У нас в земле найдут могилу...*

ЛИТЕРАТУРА

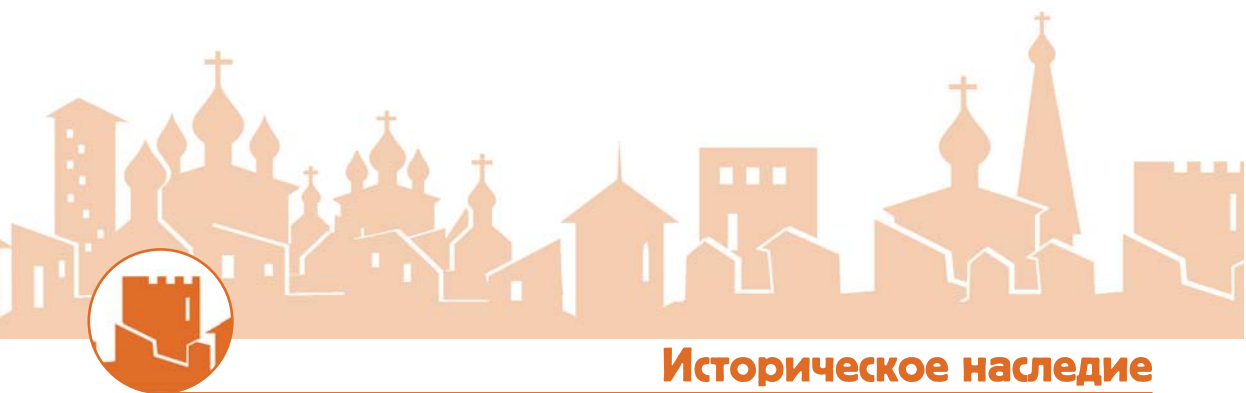
1. Белоруков Д.Ф. Деревни, сёла и города костромского края: материалы для истории. – Кострома: Костромской общественной фонд культуры, Костромской региональный центр новых информационных технологий «Эврика – М», 2000.
2. Белоруков Д. Село Никольское.//Новая жизнь, 3 декабря 1970г.
3. Белоруков Д. В усадьбе Толстых на Меже.//Новая жизнь. 17 августа и 19 августа 1971 г.
4. Булдаков К.А. Костромской край: Учебное пособие по истории для уч. 7-8 кл. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ярославль: Верх.- Волж. кн. изд- во, 1992.
5. Бочков В.Н. Старая Кострома. Кострома, 1997.
6. Григоров А.А. Из истории Костромского дворянства. Кострома, 1993.
7. Лебедев Ю.В. Литература. 7-9 классы. Учебная хрестоматия для общеобразовательных учреждений. «Просвещение-регион». Москва, 2002.
8. Сапрыгина Е.В. Графы Толстые в Меже. Губернский Дом № 3. 2006 с. 47-51.
9. Пашин В. Шаёвский затворник.//Северная правда. 6 июня 2003г.

Интернет- ресурсы

1. xliby.ru>История>..._i_realizmu/p11.php
2. school-essays.info>tema-sochineniya...dekabristy.
3. elib-kostroma.ru>data...MB_IstoriaLichnosty.html
4. hrono.ru>Биографический справочник>КАА>Катенин
5. BestReferat.ru>referat-113144.html

Фото Большаковой Юлии

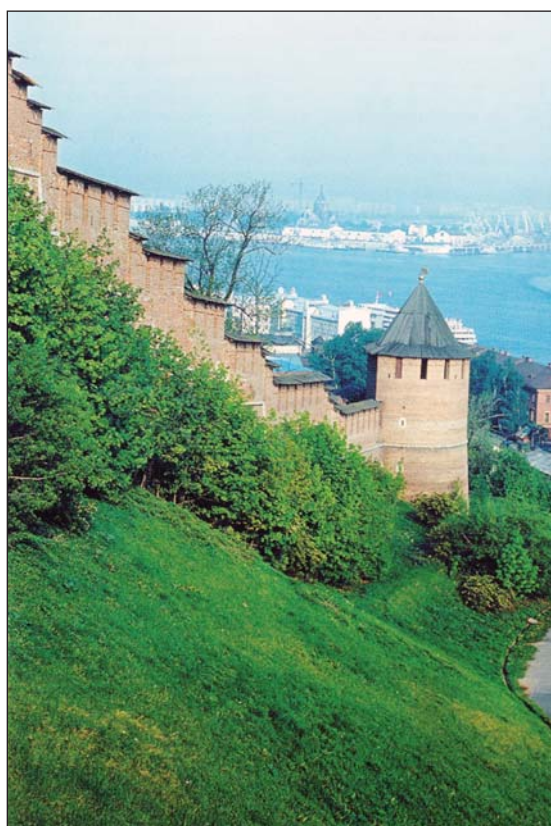
*Руководители:
Голубева Галина Витальевна,
учитель истории, руководитель школьного музея,
Соколова Наталья Николаевна,
директор школы*

Историческое наследие

АНАСТАСИЯ АЧИЛОВА,
ученица 10 класса СОШ № 51
Канавинского района,
г. Нижний Новгород

НИЖЕГОРОДСКОМУ КРЕМЛЮ — 500 ЛЕТ!

Вид на Кремль от памятника В.П. Чкалову

Нижегородский каменный Кремль — уникальное строение русских мастеров, которому исполняется 500 лет. На территории Нижегородской области нет древнее каменного сооружения. О его строительстве сообщают сразу 9 русских летописей и хронографов: Соликамский летописец, Устюжный летописный свод, Нижегородский летописец, Хронограф редакции 1618 года, Никоновская летопись, Софийская летопись, Летопись Константиновичей, Летописец Московский краткий, Рожский летописец. Так Нижегородский летописец сообщает: «Лета 7018 года сентября в 1 день заложили Нов град Нижний каменной Дмитриевскую башню».

Обычно при исторической реконструкции Нижегородского кремля используют данные Писцовой книги 1621–1622 годов, Опись Нелюба Морнева 1671 года и Опись Нижегородского кремля

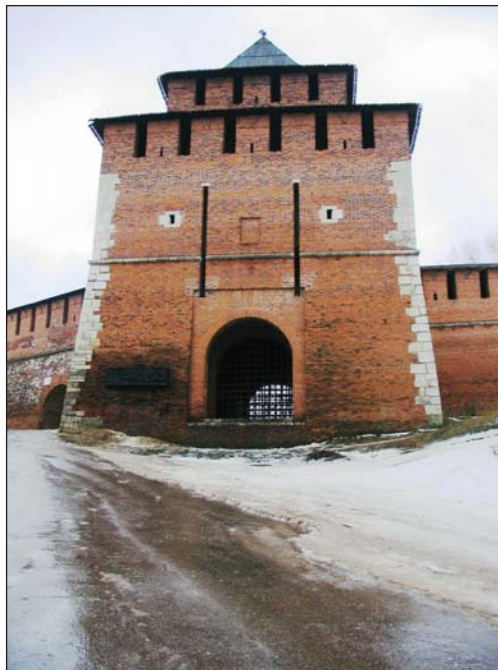

1686 года. По ним следует, что в Кремле в XVI веке были следующие башни:

Дмитриевская
Алексеевская
Никольская
Коромыслова
Мироносицкая
Ильинская
Часовая
Ивановская
Белая круглая
Белая четырёхугольная
Борисоглебская
Егорьевская
Спасская

Отводная башня — стрельница (соединялась каменным мостом с Дмитриевской башней).

Нижегородский кремль строился, прежде всего, как единый комплекс оборонительных сооружений, и это единство обеспечивалось сочетанием архитектурной композиции с особенностями местности — перепадами высот¹. Так например, действия противника на участке, выходящем к речке Почайне, скрывались крутым косогором, а при взятии противником Ивановской или Белой башен, он оказывался опять перед косогором. Кремль был одной из первых крепостей, где была применена система фланкирующего огня (продольный обстрел). Учитывая, что башни располагались друг от друга на расстоянии полёта стрелы и выстрела из пищали, это был передовой уровень крепостного дела. Традиции военно-оборо-

Из Ивановской башни выходили нижегородские ополчения 1612 и 1812 годов

Никольская башня Кремля

¹Кириянов. И. А. Нижегородский Кремль. Волго-Вятское книжное изд-во. Горький. 1968. С. 23.

нительной техники того времени требовали чередования больших квадратных башен, где были ворота, с малыми круглыми башнями, размещёнными на менее ответственных местах, что и было воплощено строителями. Композиционными центрами верхнего и нижнего участка Кремля служили основные узлы его обороны: Дмитровская башня вверху и Ивановская башня в нижней части Кремля. Сооружение единой наблюдательной башни — Часовой — обеспечивало управление обороной из одного места. Эта башня была прикрыта другой башней — Северной. По-новому были сделаны бойницы крепостных башен — изнутри они снабжались большими сводчатыми камерами, предназначенными для установки пушек, а снаружи получали небольшой раструб, обеспечивавший удобство для пушечных стволов². Причём бойницы снабжались вентиляционными каналами, отводившими из них пороховые газы. При этом казематы были надёжно защищены. В организации обороны применялся принцип распределения горожан, способных носить оружие, по стенам и башням Кремля для помощи гарнизону в случае осады.

Над боевым ходом кремлёвской стены возвышается парапет (88 см) с зубцами над ним (230 см), которые обеспечивали защиту бойцов со стороны поля.

Всё артиллерийское вооружение кремля располагалось в башнях, где боевые печуры казематов были в четырёх ярусах-боях: подошвенном,

двух средних и верхнем, с зубцами. Нижегородский кремль строился на горе, конкретно на Часовой горе. В верхней части обороны, где стены наиболее уязвимы, было оставлено свободное от построек пространство, необходимое для обороны.

Положение рва по отношению к линии стен и башен (нижние части стен и башен были заглублены в ров) не позволяло вести минные подкопы. Малые боевые окошки имеют форму треугольника, обращённого в поле, что позволяло создавать зону сплошного перекрёстного огневого боя. Все башни кремля лишь касаются линии стены, не прорезая её своей массой, что позволяло вести эффективный фланговый огонь. Взаимное расположение огневых точек почти исключает возможность поражения защитниками кремля своих солдат. Рядом с центрами обороны внутри кремля возводились «обрубы» или «раскаты», наполненные землёй и щебнем. На них располагались пушки большой мощности, такие, например, как «Свисток». В процессе исследования Нижегородского Кремля архитектор-реставратор С.Л. Агафонов высказал ещё одно новое предположение относительно роли в строительстве Нижегородского кремля известного в России зодчего итальянского происхождения Петра Фрязина.

С.Л. Агафонов убедительно доказывает, что Петр Фрязин (Пьетро Франческо), работавший здесь в 1508–1509 годах, принимал участие в руководстве строительными работами нижней части кремля, то есть в

²Кирьянов И. А. Нижегородский Кремль. Волго-Вятское книжное изд-во. Горький, 1968. С. 68.

возведении Борисоглебской, Зачатской и Белой башен, в то время как нагорная часть крепости уже была построена. Новый мастер вполне мог внести элементы западной архитектуры. И возможно, не случайно на гравюре А. Олеария, выполненной по рисунку с натуры во время гольштинской экспедиции 1636 года, на этих стенах видны машикули³, характерные для итальянского средневекового зодчества. Нижний Новгород в начале XVI века оставался окраиной русского государства на востоке. Ближайшим соседом было беспокойное и враждебное Казанское ханство. Нижегородский летописец сообщает о событиях за 1520 год: «В том же году 21 августа подошли к Нижнему Новгороду казанские князья Саит (Саип), Булат и Кучалей и громили Березополье до Елина, взявши многих жителей в плен; подошли к городу, простояли перед ним 3 дня, но ушли, не причинив ему никакого зла»⁴. Краевед Гациский дополняет, что осаду сопровождало поэтическое предание: одна молодая девушка пошла рано утром за водой и на неё напали татары, которые хотели незаметно подойти к Кремлю. Девушке пришлось отбиваться коромыслом, и она уложила многих врагов, но и сама была убита. Татары, увидев силу девушки, подумали, какой же силой обладают ни-

жегородские мужчины, и отошли от города. Главное предание Нижегородского Кремля гласит, что где-то глубоко в его казематах и переходах спрятана легендарная библиотека Ивана Грозного, привезённая бабушкой царя Софьей Палеолог из Византии. До сих пор тайна эта не раскрыта — из-за сложностей рельефа и близости подземных вод Кремль крайне слабо изучен. Кремль за свою историю осаждался 17 раз, но ни разу не был взят. В начале XVIII века оборонное значение Нижегородского кремля было окончательно потеряно, и он был исключён из списка крепостей Российской империи⁵.

На территории Кремля расположена и общерусская святыня — гробница Козьмы Минина. В 1614 году ему был поручен сбор первой пятины с гостей и торговых людей в столице, в мае 1615 года он был в боярской коллегии, «ведавшей Москву» во время богомолья царя, в декабре того же года он был послан с князем Г.П. Ромодановским в казанские места «для сыску» по поводу случившегося здесь восстания инородцев. Вскоре после этого — до мая 1616 года — Минин умер. В 1962 году в канун 350-летия подвига Нижегородского ополчения он был торжественно перезахоронен в Михайло-Архангельском соборе.

³ МАШИКУЛИ (косой бой, навесные бойницы). Нависающие над стеной укрепления наклонные проёмы, через которые вели стрельбу и лили расплавленную смолу на осаждающих. Словарь архитектурных терминов. М. 1995. С. 234.

⁴ Гациский А. Нижегородский летописец. Нижний Новгород. 2001. С. 621.

⁵ Агафонов С. Л.. Нижегородский Кремль. Архитектура, история, реставрация. Горький. Волго-Вятское книжное издательство. 1976. С. 33.

А.И. ПЕРСИН

МОСКВА ИВАНА КАЛИТЫ И АПОЛЛИНАРИЯ ВАСНЕЦОВА

Аполлинарий Михайлович Васнецов написал около 120 картин, посвящённых русским городам. Особое место среди них принадлежит древней Москве. Целью своих картин-реконструкций художник считал «проникновение в тёмную даль прошлого посредством пейзажей». Сегодня мы будем говорить о Москве XIV века, времени правления Ивана Калиты.

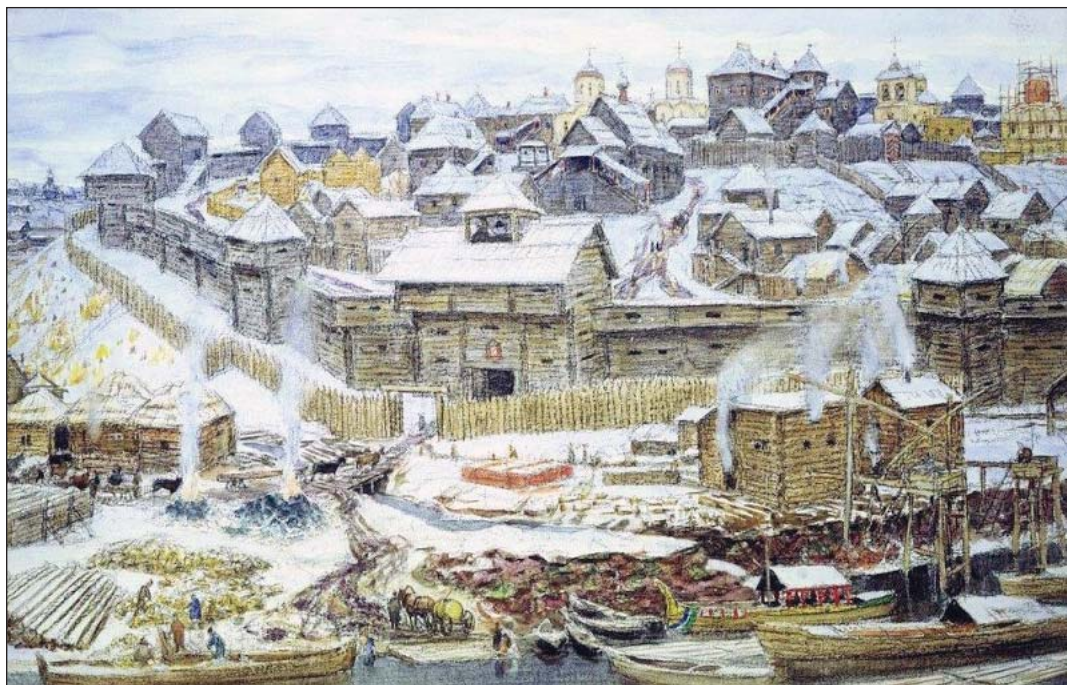
А.М. Васнецов так объяснял свой интерес к истории древней Москвы: «Многие задают мне вопрос — почему я занялся старой Москвой и так увлёкся ею? На это ответить трудно. Может быть, потому, что я люблю всё родное, народное, а старая Москва — народное творчество в жизни прошлого». В начале 1920-х годов он в качестве руководителя Комиссии по изучению старой Москвы много сделал для развития археологических изысканий, особенно в местах строительства. Художник пишет виды Москвы, отражающие ключевые моменты его развития. Москва того времени — это, прежде всего, Кремль и его ближайшее окружение.

Уже была написана картина «Основание Москвы» (1917), где изображена постройка первых деревянных стен Кремля при Юрии Долгоруком. В XIV веке Москва ещё преимущественно деревянная. Приступая к своим карти-

нам, Аполлинарий Михайлович основательно ознакомился с материалами архивов и музеев, изучал древние летописи, старые гравюры, подлинные описания городских построек, делал многочисленные зарисовки. Пытаясь воссоздать прошлое, художник ориентируется и на изображения Москвы на рисунках XVII в. у Мейерберга, Олеария и других европейских путешественников, считая, что «дубовые стены Кремля Ивана Калиты имели, несомненно, такой же вид». Но далее в статье «Эпоха развития Кремля» он пишет: «Княжение Ивана Калиты было началом каменного строительства в Москве. Изображённые на акварели четыре белокаменных храма суть следующие: рядом с княжьим теремом на север помещён «Спас на Бору», из-за терема налево высится глава «Успения пресвятой богородицы», направо — Ивана Лествичника «под колоколами... Четвёртым храмом на кремлёвском уступе изображён строящийся храм архангела Михаила». Художник, возможно, знал о поездке Ивана Калиты в Новгород по рекомендации своего отца Даниила Александровича, где ознакомился с опытом каменного строительства. В итоге в Москве используется новый строительный материал.

Кремль изображён с юго-запада. На переднем плане — Москва-река с прис-

Аполлинарий Васнецов. Московский Кремль при Иване Калите. 1921

танью, лодки, бани на берегу, хозяйственные постройки, снующие между ними люди... Стены имеют навесные надстройки для верхнего боя в случае обороны. Перед стенами частокол. Ближайшие ворота в башне, для нас имеющей более привычное название Боровицкая, тогда именовались водяными — по близости к воде. Внутри Кремля — деревянный город с достаточно плотной застройкой.

Что бы ещё мог увидеть в Кремле условный зритель того давнего времени? Объясняет сам А.М. Васнецов: «За Боровицкими воротами в самом Кремле на подъёме в гору виднелась бы древняя деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи, около церкви дома и палаты бояр; далее по горе в беспорядке нагромождённые избышки, избы, хоромы и всевозможные постройки служилых людей и ремесленников, крытые тёсом, гонтом и соломой, а выше, на взгорье Кремлёвского холма, виднелись бы разукрашенные распис-

ными колонками, со слюдяными оконцами и позолоченным гребнем великокняжеские палаты с массой пристроек, надстроек и переходов; тут же каменные церкви с жестяными и деревянными крышами, резко выделяющиеся своей белизной на фоне серых бревенчатых построек. Чужеземный пришелец с удивлением бы заметил, как из окон некоторых домов валит дым, и первое время предположил бы начало пожара, но, узнав, что у москвитов, за малым исключением, все избы курные, без труб, удивление сменил любопытством. Увидел бы на узких немощёных улицах пеших и конных горожан и возвращавшиеся с пастбища стада коров и овец, поднимающих облака пыли. Немалое удивление возбудили бы в нём и странные сооружения (журавцы, или оचेпы) для поднятия воды из колодцев на дворах москвитов... Такой приблизительно вид открылся бы на Кремль Ивана Калиты в конце его княжения».

ИСТОРИК РОССИИ, КРАЕВЕД МОСКВЫ

Авторитет выдающегося учёного-самоучки И.Е. Забелин завоевал, прежде всего, своей исключительной трудоспособностью. Поначалу Московский университет не пригласил молодого историка на работу из-за отсутствия у него университетского образования. Звание доктора исторических наук ему присвоил в 1871 г. Киевский университет по совокупности опубликованных трудов без защиты диссертации. Лишь в 1870–1880-е гг. приходит признание официальной столичной науки — он становится почётным доктором Московского и Петербургского университетов. В 1882 г. И.Е. Забелин возглавил Московское Общество истории и древностей российских вместо скончавшегося С.М. Соловьёва, что уже достаточно говорит о его авторитете в научных кругах. Одновременно Иван Егорович был также товарищем

председателя Исторического музея в Москве, став его фактически руководителем. В 1892 г. Академия избрала его своим почётным членом — самоучку, писавшего в анкетах о своём образовании: 5 классов сиротской богадельни. Иван Егорович Забелин руководил музеем 23 года.

Благодаря научному авторитету Ивана Егоровича Забелина собиратели жертвуют музею свои коллекции. Кроме того, отдельные предметы он покупал сам. Исторический музей становится любимым посещаемым музеем Москвы, который с честью реализует заявленную при его создании задачу: «содействовать народообразовательным целям».

«Наша независимость находится только в нашем труде, в моих руках, в моей голове. Свободен, независим тот, у кого есть крепкие руки, да царь в голове».

И.Е. Забелин

ПОДПИСКА – 2015!

Уважаемые читатели!

Вы можете оформить подписку на наш журнал
«Юный краевед» в любом почтовом отделении.

Подписные индексы:

«Роспечать» — 20249

«Пресса России» — 10460

«Урал-Пресс» — 20249

Льготную подписку можно оформить через редакцию.

Стоимость подписки с доставкой по почте: полугодовая 700 руб.

Заполните квитанцию. Не забудьте точно указать домашний адрес с почтовым индексом и имя, отчество, фамилию получателя полностью. Оплатите квитанцию в Сбербанке, а сканвариант чека вышлите нам — по электронному адресу редакции Kraeved54@yandex.ru или zakaz@printkod.ru

Извещение	<p>Получатель платежа: <u>ООО «Юный краевед»</u> ИНН 7718882094, КПП 771801001 Банк получателя платежа: <u>ОАО Банк «Развитие-Столица» г. Москва</u> <u>р/с 40702810300010008959, к/с 30101810000000000984,</u> <u>БИК 044525984</u></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес с индексом плательщика: _____</p> <table border="1" data-bbox="449 1101 1170 1173"><tr><td>Журнал «Юный краевед»</td><td>Сумма</td></tr><tr><td>№№ за 2015 год</td><td></td></tr></table> <p>Подпись _____ Дата _____</p>	Журнал «Юный краевед»	Сумма	№№ за 2015 год	
Журнал «Юный краевед»	Сумма				
№№ за 2015 год					
Квитанция	<p>Получатель платежа: <u>ООО «Юный краевед»</u> <u>ИНН 7718882094, КПП 771801001</u> Банк получателя платежа: <u>ОАО Банк «Развитие-Столица» г. Москва</u> <u>р/с 40702810300010008959, к/с 30101810000000000984,</u> <u>БИК 044525984</u></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес с индексом плательщика: _____</p> <table border="1" data-bbox="449 1574 1170 1683"><tr><td>Журнал «Юный краевед»</td><td>Сумма</td></tr><tr><td>№№ за 2015 год</td><td></td></tr></table> <p>Подпись _____ Дата _____</p>	Журнал «Юный краевед»	Сумма	№№ за 2015 год	
Журнал «Юный краевед»	Сумма				
№№ за 2015 год					

Уважаемые читатели!
Вы можете оформить подписку на нашу папку
«Краеведческая выставка» в любом почтовом отделении.

Подписные индексы:

«Роспечать» (см. блок «Юный краевед» + приложение) — 85125

«Пресса России» — 91730

Льготную подписку можно оформить через редакцию.

Стоимость подписки с доставкой по почте: полугодовая 900 руб.

Заполните квитанцию. Не забудьте точно указать домашний адрес с почтовым индексом и имя, отчество, фамилию получателя полностью. Оплатите квитанцию в Сбербанке, а сканвариант чека вышлите нам — по электронному адресу редакции kraeved54@yandex.ru или zakaz@printkod.ru

По вопросам приобретения изданий обращаться:

Андрей Владимирович Селиванов:

ТЕЛЕФОНЫ: (495) 971-45-61; МОБ. ТЕЛЕФОН: 8-915-065-07-78

kraeved54@yandex.ru; zakaz@printkod.ru

Извещение	<p>Получатель платежа: <u>ООО «Юный краевед»</u> ИНН 7718882094, КПП 771801001 Банк получателя платежа: <u>ОАО Банк «Развитие-Столица» г. Москва</u> <u>р/с 40702810300010008959, к/с 30101810000000000984,</u> <u>БИК 044525984</u></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес с индексом плательщика: _____ _____</p> <table border="1" style="width: 100%;"><tr><td style="width: 70%;">папка «Краеведческая выставка»</td><td style="width: 30%;">Сумма</td></tr><tr><td>№№ за 2015 год</td><td></td></tr></table> <p>Подпись _____ Дата _____</p>	папка «Краеведческая выставка»	Сумма	№№ за 2015 год	
папка «Краеведческая выставка»	Сумма				
№№ за 2015 год					
Квитанция	<p>Получатель платежа: <u>ООО «Юный краевед»</u> ИНН 7718882094, КПП 771801001 Банк получателя платежа: <u>ОАО Банк «Развитие-Столица» г. Москва</u> <u>р/с 40702810300010008959, к/с 30101810000000000984,</u> <u>БИК 044525984</u></p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____ Адрес с индексом плательщика: _____ _____</p> <table border="1" style="width: 100%;"><tr><td style="width: 70%;">папка «Краеведческая выставка»</td><td style="width: 30%;">Сумма</td></tr><tr><td>№№ за 2015 год</td><td></td></tr></table> <p>Подпись _____ Дата _____</p>	папка «Краеведческая выставка»	Сумма	№№ за 2015 год	
папка «Краеведческая выставка»	Сумма				
№№ за 2015 год					

ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОТЕЧЕСТВО»

ВИКТОРИНА

Вопрос: на каком корабле (название) Ф. Матюшкин совершил своё первое кругосветное путешествие?

Ответы на викторину в журнале «Юный краевед» № 2–3 2015 г.

Фёдор Фёдорович Матюшкин — боевой адмирал, путешественник, охотник. Он с детских лет мечтал о море. Одно из прозвищ — «Плыть хочется». Участник двух кругосветных путешествий. Адмирал. Сенатор. Друг А.С. Пушкина. По его предложению первый памятник поэту был установлен в Москве.

Родикова Ксения Андреевна, ученица 9 класса МАОУ «СОШ № 1» г. Тобольска, Тюменская область

В стихотворении А.С. Пушкина «19 октября» (1825 г.) есть строки, посвящённые Ф. Матюшкину:

**Счастливым путь!. . С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!**

Спасибо за вопрос. Своим одноклассникам расскажу. О Фёдоре Фёдоровиче Матюшкине. Подготовлю контурную карту, где отмечу места, где был Ф.Ф. Матюшкин. Будет интереснейшая работа.

Кущенко Константин, ученик 5 класса СОШ № 2 им. академика А.И. Берга, город Жуков, Калужская область

Журнал «ЮНЫЙ КРАВЕД»

Известные историки, археологи, музейные работники помогают ребятам стать настоящими патриотами России, изучать родной край, открывать секреты краеведческой профессии.

Журнал — настоящая лаборатория юного краеведа.

Подписные индексы:

«Роспечать»
20249

«Пресса России»
10460

«Урал-Пресс»
20249

ISSN 1819-3080

9 771819 308007